Пров 49-46

ПОСЛѢДНІЯ
РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ
ВЪ РОССІИ
и
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

№ 9

ПОСЛѢДНІЯ

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ

ВЪ РОССІИ

и

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейницъ.
1901.

„Пров 49“

2 экз
П

221164

Предисловіе.

Послѣднія событія въ Россіи: студенческія волненія, уличныя демонстраціи, террористическіе акты, кровопролитныя столкновенія между полиціей и рабочими, общественные протесты, представляютъ собой небывалое до сихъ поръ явленіе въ русской общественной жизни. Событія эти обозначаютъ собой новую эпоху въ исторіи развитія русской гражданственной и политической жизни. Общественное сознаніе пробуждается и на историческую арену выступаютъ новыя соціальныя силы, начинающія домогаться участія въ государствѣ. Не время еще, конечно, подводить итоги этимъ выдающимся событіямъ послѣднихъ дней, но громадное политическое значеніе ихъ сознается не только общественнымъ

мнѣніемъ, но и господствующими классами и правительствомъ.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ, изложеніе которыхъ послѣдуетъ дальше на основаніи опубликованныхъ г. В. Чертковымъ въ его изданіяхъ матеріаловъ, игралъ не маловажную роль Левъ Николаевичъ Толстой. Его отлученіе отъ церкви было обнародовано въ дни уличной демонстраціи въ Москвѣ, и демонстрирующая толпа имѣла случай доказать свое отношеніе къ отщепенцу православной церкви. Московская демонстрація приняла временами характеръ народной овaціи въ честь Льва Николаевича Толстого. Открытое письмо Толстого къ царю, отвѣтъ его Синоду, письма и адреса, полученные имъ со всѣхъ концовъ Россіи, овaціи, устроенныя передъ его картиной во многихъ мѣстахъ, отвели ему центральное мѣсто во всѣхъ этихъ достопримѣчательныхъ событіяхъ.

Дать картину всѣхъ совершившихся событій и указать на ту роль, которую Левъ Николаевичъ Толстой занималъ въ нихъ, — это есть задача сгруппированнаго въ нижеслѣдующихъ главахъ матеріала.

I.

Студенческія волненія въ Кіевѣ и Петербургѣ.

Послѣднія событія были, какъ извѣстно, вызваны студенческими волненіями, которыя хотя постоянно вспыхивали въ русскихъ университетахъ, но въ послѣдніе годы приняли особенно обостренный характеръ.

Студенческія волненія начались съ Кіевскаго университета, гдѣ недовольство стало проявляться еще въ сентябрѣ 1900 г. вслѣдствіе того, что, вмѣсто уѣхавшаго за границу проф. Трубецкаго, энциклопедію и исторію права взялся читать проф. Эйхельманъ, извѣстный всему Кіеву, какъ бездарная и несимпатичная личность.

Слѣдствіемъ устроенной студентами по этому поводу обструкціи было вмѣшательство

Драгомирова, выразившееся въ томъ, что послѣдній запретилъ Эйхельману читать лекціи. Вмѣшательство это вызвано было не столько сочувствіемъ къ студентамъ, сколько старыми счетами между Эйхельманомъ и ген.-губернаторомъ на почвѣ существующаго всегда антагонизма, хотя и слабаго, между городскимъ самоуправленіемъ и администраціей вообще. (Эйхельманъ былъ однимъ изъ дѣятелей городского самоуправленія). Въ отвѣтъ на это запрещеніе органъ студенчества, „Союзный Совѣтъ", выпустилъ въ огромномъ количествѣ листки, въ которыхъ разъяснялась истинная причина удивившаго всѣхъ образа дѣйствій Драгомирова. „. . . Мы возмущаемся вмѣшательствомъ администраціи", — говорилось тамъ между прочимъ. „Мы хотимъ законности, справедливости и истинной свободы науки, а не зависимости отъ капризовъ и прихотей всякаго самодура. Мы не желаемъ бороться рука объ руку съ тѣми, кто вчера высылалъ на насъ казаковъ и солдатъ, съ тѣми, кто, быть можетъ, вышлетъ ихъ завтра".

Послѣ этого инцидента броженіе затихло на нѣкоторое время, пока снова не вспыхнуло, но уже по другому поводу. 3 ноября собра-

лась многолюдная сходка, числомъ до 700 человѣкъ, по поводу возмутительнаго поступка двухъ студентовъ, въ пьяномъ видѣ снявшихъ кольца, серьги и другія драгоцѣнныя вещи съ шансонетныхъ пѣвицъ, съ которыми они кутили. Обсудивъ всесторонне это происшествіе, сходка постановила уполномочить Союзный Совѣтъ оформить и опубликовать рѣшенія, къ которымъ она пришла. Рѣшенія же эти сводились къ слѣдующему: Студенты, какъ „отдѣльные посѣтители“ университета, не имѣютъ возможности бороться со зломъ, о которомъ идетъ рѣчь, а потому не отвѣтственны за поведеніе своихъ товарищей. Бороться же съ нимъ можно было бы только путемъ товарищескаго воздѣйствія, оживленія „товарищескаго духа“ и пр. А для этого не имѣется подходящихъ условій, такъ какъ всѣ мѣры правительства направлены къ тому, чтобы уничтожить возможность всякаго единенія среди студенчества, а слѣдовательно, и нравственнаго воздѣйствія другъ на друга. Въ борьбѣ съ нашимъ азіатскимъ правительствомъ за болѣе свободныя формы жизни (студенческой въ частности) и должны заключаться ближайшія задачи студенчества; для

успѣшности же этой борьбы необходимо устройство студенческихъ организацій...

За этой сходкой послѣдовала другая (15 ноября), послѣ которой движеніе опять на время затихло. Главные виновники сходокъ были переписаны инспекціею и переданы суду правленія. Четыре студента были приговорены къ карцеру, отъ 5 до 2 дней, а остальные подвержены низшимъ формамъ взысканія: выговору и лишенію на годъ нѣкоторыхъ льготъ.

Этотъ приговоръ послужилъ предлогомъ дальнѣйшему движенію. Онъ былъ объявленъ студентамъ 4 декабря, и сейчасъ же рѣшено было устроить сходку на слѣдующій день. За сходкой 5 декабря, прошедшей очень бурно, послѣдовала другая, 7 декабря, повлекшая за собой совершенно исключительныя послѣдствія: жандармы, полиція, казаки и войско разнаго рода оружія наводнили университетъ, который не въ переносномъ только смыслѣ, но и на дѣлѣ превратился въ какую-то казарму, гдѣ съ шашками на голо, въ ногу, по командѣ офицеровъ маршировалъ отрядъ за отрядомъ, готовясь къ серьезнымъ дѣйствіямъ противъ студентовъ.

На сходкѣ этого дня всѣ присутствовавшіе (около 600 человѣкъ) порѣшили вызвать ректора и заявить ему требованія: 1) возвращеніе двухъ товарищей, уволенныхъ за отказъ сидѣть въ карцерѣ и 2) отмѣну впредь наказанія карцеромъ. Такъ какъ ректоръ отказался прійти, то сходка постановила не расходиться и оставаться въ университетѣ, пока ректоръ все-таки не явится. Часовъ въ 8 вечера, когда стемнѣло, и громадная аудиторія слабо освѣщалась лишь двумя свѣчками (университетская полиція предусмотрительно перерѣзала проволоки электрическихъ фонарей), двери съ шумомъ распахиваются, и въ аудиторію входятъ жандармскій генералъ Новицкій, губернаторъ Треповъ, вице-губернаторъ баронъ Штакельбергъ и полицеймейстеръ Цихоцкій съ адъютантами и почти всѣмъ жандармскимъ корпусомъ. Ихъ окружала толпа спѣшившихся казаковъ. За ихъ спинами въ коридорѣ видна была вооруженная рота солдатъ подъ ружьемъ, расположившихся шпалерами съ барабанщикомъ и офицеромъ во главѣ; кромѣ нихъ, большое число городовыхъ и жандармовъ. Въ нижнемъ этажѣ другая рота солдатъ безъ ружей — при однѣхъ

лишь шашкахъ. Передъ университетомъ и въ университетскихъ дворахъ двѣ сотни верховыхъ казаковъ, отряды конныхъ городовыхъ, пѣхоты и, несмотря на поздній часъ, довольно много публики. Генералъ Новицкій со всей своей свитой былъ встрѣченъ свистками и криками негодованія, такъ что крики его „молчать!“ не были слышны. Тогда офицеръ изъ свиты скомандовалъ караулу изъ 60 казаковъ: „шашки вонъ!“ Ген. Новицкій произнесъ рѣчь, въ которой требовалъ уваженія къ своему караулу, данному ему начальникомъ края; господинъ, молъ, начальникъ края далъ ему всѣ полномочія, такъ что всѣ студенты въ его власти: „Что захочу, то съ вами и сдѣлаю; вотъ этотъ караулъ по моему приказу употребитъ для вашего усмиренія холодное и огнестрѣльное оружіе“, обѣшалъ выслать тысячи студентовъ, засадить бунтовщиковъ въ тюрьмы и т. д. Предсѣдательствовавшій студентъ обратился къ генералу со словами, что незаконнаго сходка ничего не добивается, что они хотятъ лишь видѣть свое прямое начальство, которое не обнаруживаетъ желанія прійти, что силою шашекъ генералъ

ничего не сдѣлаетъ, хотя студенты не вооружены и сопротивляться не будутъ. Разобравъ, чего хотятъ студенты, Новицкій удивился: „Только-то! Я вамъ ректора приведу“. И тутъ же съ вицегубернаторомъ отправился за ректоромъ и вскорѣ его привелъ. Поднявшійся шумъ тотчасъ былъ прекращенъ предсѣдателемъ, замѣтившимъ генералу, что чего онъ не въ силахъ сдѣлать шашками, то можно достигнуть словомъ предсѣдателя. Ректоръ на требованія студентовъ отвѣтилъ, что все постановленное правленіемъ имъ отмѣнено быть не можетъ. Предсѣдатель отъ имени сходки иронически поблагодарилъ ректора, какъ представителя профессуры и высшей ителлигенціи, за то, что тотъ только при подобной имъ вызванной обстановкѣ пожелалъ бесѣдовать со студентами. Послѣ этого всѣ были переписаны. Оказалось, что всѣ эти власти были призваны ректоромъ, сообщившимъ въ 7 часовъ вечера губернатору, что онъ складываетъ съ себя всѣ полномочія и передаетъ ихъ Новицкому, такъ какъ, несмотря на приложенныя имъ усилія, онъ студентовъ успокоить не въ состояніи. И дѣй-

ствительно, первой фразой Новицкаго было: „ректоръ передалъ мнѣ свои полномочія, теперь я вашъ ректоръ!“

Въ концѣ концовъ, оставшихся участниковъ сходки переписали, при чемъ всѣхъ переписанныхъ оказалось 396 человѣкъ.

Затѣмъ начался судъ. Совѣщаніе, орбазованное изъ представителей министерствъ: народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи посвятило разсмотрѣнію дѣла 15 засѣданій, въ теченіе времени съ 11-го по 31-ое декабря включительно, и въ результатѣ постановило: признать всѣхъ студентовъ, участвовавшихъ въ сходкѣ 7-го декабря, виновными и подлежащими удаленію изъ университета и зачисленію въ военную службу на разные сроки: а) двухъ студентовъ — на 3 года, б) пяти студентовъ — на 2 года, и в) всѣхъ остальныхъ, въ числѣ 385 человѣкъ, — на 1 годъ. Затѣмъ по распоряженію министра народнаго просвѣщенія приговоръ былъ смягченъ, именно: вмѣсто 385 человѣкъ, подвержены были наказанію только 176, остальные же 209 занесены въ штрафной журналъ, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ въ теченіе всего университетскаго курса и предупрежденіемъ,

что, въ случаѣ новаго участія въ безпорядкахъ, настоящая ихъ виновность будетъ служить обстоятельствомъ, отягчающимъ ихъ вину.

Затѣмъ, вслѣдствіе наступившихъ рождественскихъ каникулъ, движеніе затихло. Студенты стали разъѣзжаться по домамъ, а Союзный Совѣтъ напечаталъ воззваніе слѣдующаго содержанія:

Къ студенчеству.

Слишкомъ ужъ злоупотребляетъ правительство той мнимой побѣдой, которую оно одержало въ 1899 г. надъ студенчествомъ, придушивъ его лучшія силы. Оно стало издѣваться надъ студентами самымъ недостойнымъ образомъ, и это издѣвательство, выразившееся въ цѣломъ рядѣ мелкихъ репрессалій, закончилось неслыханнымъ безобразіемъ въ нашемъ университетѣ. И удивительнѣе всего, что именно ректоръ, представитель нашего университета, постарался нанести тяжелое, неизгладимое оскорбленіе студенчеству и профессурѣ. Онъ упорно, не желая явиться на приглашеніе студентовъ, предпочелъ втоптать въ грязь самыя глубокія, самыя святыя чувства, которыя

питаетъ всякій студентъ къ университету, къ той высшей школѣ, которая явилась провозвѣстницею истины, добра и свободы. Обнаженныя сабли, штыки, жандармы, армія шпіоновъ, и все это въ тѣхъ аудиторіяхъ, которыя предназначены для независимаго слова науки! Какъ можетъ сколько-нибудь порядочный профессоръ войти на ту каѳедру, откуда только-что жандармъ провозгласилъ себя полновластнымъ диктаторомъ университета? И намъ еще грозятъ жестокимъ наказаніемъ, солдатчиной, обѣщая произвести безпримѣрное насиліе и беззаконіе на удивленіе цѣлаго свѣта! Да, мы не сомнѣваемся, что справедливость, право, — звукъ пустой, — но покориться всему этому безобразію мы не можемъ. Мы безпредѣльно были возмущены подлымъ исключеніемъ Церетели и Покатилова, нашихъ лучшихъ товарищей; тогда мы горячо протестовали въ прокламаціяхъ, но ждали; больше ждать нельзя. Мы приглашаемъ все студенчество готовиться къ той упорной борьбѣ, которая начнется послѣ праздниковъ; мы въ силу своихъ полномочій принимаемъ на себя руководство и увѣрены, что все студенчество Россіи подымется на защиту своихъ священ-

ныхъ идеаловъ, на зашиту хоть бы тѣхъ правъ, той свободы, которой пользуется всякій русскій гражданинъ. Здѣсь нѣтъ мѣста личнымъ интересамъ, нѣтъ мѣста личному благу. Мы всѣ встанемъ какъ одинъ человѣкъ, и это новое массовое движеніе напомнитъ правительству, что оно должно считаться съ объединеннымъ студенчествомъ.

13 декабря 1900 г.

Кіевскій Союзный Совѣтъ
объединенныхъ землячествъ и организацій.

Одновременно съ этимъ начались студенческія волненія въ Петербургскомъ университетѣ. 18-го и 20-го октября произошли сходки, поводомъ которыхъ послужилъ слѣдующій фактъ:

Сушательница Высшихъ Женскихъ Курсовъ Гусева была исключена директоромъ за „непочтительное отношеніе“ къ администраціи курсовъ. Когда за нее заступились слушательницы, то директоръ донесъ обо всемъ Охранному Отдѣленію, выставивъ Гусеву въ роли агитатора, вызывающаго волненія на курсахъ, — и Гусева была въ 24 часа вы-

слана административнымъ порядкомъ на родину.

Этотъ фактъ вызвалъ волненіе среди студентовъ. Въ университетѣ состоялись двѣ сходки. На второй изъ нихъ, на которой присутствовало до 900 человѣкъ, почти единогласно было рѣшено протестовать, при чемъ изъ двухъ предложенныхъ формъ протеста: 1) широкая и мотивированная огласка факта и 2) такая же огласка, подкрѣпленная серьезной демонстраціей, — принята была первая форма.

Слѣдующія сходки, происходившія въ университетѣ 25, 26, 27 и 28 ноября, вызваны были исторіей въ Маломъ театрѣ. Какъ извѣстно, во время представленія въ этомъ театрѣ пьесѣ „Сыны Израиля“ („Контрабандисты“), учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній устроили шумную демонстрацію, результатомъ которой было столкновеніе съ полиціей. Возмущенные всѣмъ этимъ происшествіемъ и негодуя на Суворина, котораго обвиняли за постановку этой пьесы на сценѣ Малаго театра, студенты рѣшили, въ видѣ протеста, подать въ „Союзъ Писателей“ мотивированную

просьбу объ исключеніи Суворина изъ числа членовъ названнаго „Союза“.

Кончилась эта исторія исключеніемъ изъ университета 27 студентовъ, изъ которыхъ 12 были уволены безъ права поступленія въ Петербургскій университетъ, а 15 на 1 и на 2 года.

II.

Уличныя манифестаціи.

Студенческое движеніе, не выходившее пока изъ рамокъ университетской жизни, скоро однако было вынесено на улицу и приняло политическій характеръ первостепенной важности. Поводомъ къ этому знаменательному повороту послужилъ выстрѣлъ Петра Карповича въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова 14-го февраля, отъ котораго послѣдній двѣ недѣли спустя умеръ. Карповичъ уроженецъ Гомеля, Могилевской губерній. Первоначально онъ былъ студентомъ Московскаго университета, но, изгнанный оттуда въ 1896 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, въ 1898 г. поступилъ въ Юрьевскій университетъ, откуда тоже былъ уволенъ по тѣмъ же причинамъ. Въ теченіе послѣдняго года

онъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ.

Выстрѣлъ Карповича вызвалъ наружу всѣ революціонныя силы молодежи и рабочаго сословія и послужилъ сигналомъ къ уличнымъ манифестаціямъ. 19 февраля, въ день годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права, произошелъ цѣлый рядъ уличныхъ демонстрацій въ нѣсколькихъ университетскихъ городахъ. Начался новый періодъ общественнаго броженія, ознаменовавшійся совмѣстнымъ дѣйствіемъ интеллигенціи съ рабочими.

Въ Петербургѣ 19 февраля группа студентовъ и курсистокъ, а также постороннихъ лицъ собралась въ Казанскомъ соборѣ, что̀ на Невскомъ, гдѣ по ихъ просьбѣ была отслужена панихида. По окончаніи панихиды, толпа вышла изъ собора и двинулась по Невскому по направленію къ Думѣ съ пѣніемъ „марсельезы“. Полиція была въ огромномъ количествѣ заготовлена и разставлена въ засады по окрестнымъ дворамъ. Небольшая вначалѣ толпа, человѣкъ въ 100, быстро возросла до нѣсколькихъ тысячъ. Полиція обходилась съ публикой грубо и, хотя не пу-

скала въ ходъ нагаекъ, но однако многимъ повышибли зубы. Около 100 студентовъ и курсистокъ были загнаны во дворъ думы, гдѣ и были переписаны и распущены.

Въ Харьковѣ 19-го же демонстрація происходила приблизительно при той же обстановкѣ, но расправа полиціи совершилась въ болѣе грубой и звѣрской формѣ.

19 февраля въ 12 часовъ дня послѣ оффиціальной панихиды собравшіеся студенты всѣхъ трехъ учебныхъ заведеній отъ себя попросили священника отслужить панихиду, что̀ онъ и исполнилъ. Публики въ это время было мало въ церкви. Выйдя изъ собора, студенты отправились къ университету, гдѣ и пѣли „Дубинушку“. Немедленно всѣ ворота въ университетъ были заперты. Тогда студенты въ сопровожденіи уже многочисленной публики направились внизъ по университетской улицѣ съ пѣніемъ и, дойдя до зданія, гдѣ помѣщается актовый залъ университета, повернули опять къ угловому зданію (гдѣ помѣщается инспекція), что̀ противъ собора. Здѣсь большинство рѣшило еще разъ пропѣть „Дубинушку“ и разойтись. Меньшинство стояло за торжественное шествіе по Сумской улицѣ. Но

не успѣли они дойти до угла, какъ сверху по университетской улицѣ поскакали къ университету казаки. (Утверждаютъ, что ихъ вызвало по телефону университетское начальство). Въ одинъ мигъ врѣзались они въ толпу и, разсыпая удары плетьми направо и налѣво, окружили около 40-50 студентовъ. Публики собралось къ тому времени масса; среди нея были матери и жены студентовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ старались прорвать цѣпь казаковъ, но безуспѣшно. Удары плетьми сыпались безпощадно. Били, не разбирая никого и ничего. Одного студента плеть захватила за волосы (шапка слетѣла), и посторонніе очевидцы передаютъ за вѣрное, что они видѣли на плети волосы. Другому студенту казачій офицеръ нанесъ два удара въ лицо плетью, а шедшая мимо на урокъ музыки дѣвушка начала бить въ иступленіи нотами и т. д. Съ однимъ изъ студентовъ начался эпилептическій припадокъ.

Оцѣпленныхъ повели въ часть; около нея вновь собрались студенты и посторонняя публика въ ожиданіи отвода забранныхъ въ тюрьму; это было въ 2 часа. Черезъ нѣсколько времени казаки, незамѣтно обошедшіе толпу съ тылу, еще оцѣпили человѣкъ

60 студентовъ и 4 дамы. Толпа разсыпалась, но держалась все-таки по близости. Всѣхъ забранныхъ студентовъ переписали въ части въ присутствіи помощника инспектора Гаркушевскаго и педелей. Начиная съ 6 часовъ, студенты, а еще больше постороняя публика, стали собираться на Сумской противъ Драматическаго театра. Когда смерклось, запѣли „Дубинушку“. Въ 6 часовъ 30 минутъ изъ двора части выскочили казаки и поскалали къ театру. Публика встрѣтила ихъ отчаяннымъ свистомъ и шиканьемъ. Все это вмѣстѣ съ пѣніемъ, ржаніемъ лошадей и жалобнымъ воемъ коночныхъ рожковъ смѣшалось въ какой-то адскій концертъ. Толпа заполнила и тротуары, и мостовую. Движеніе экипажей прекратилось. Казаки оцѣпили около театра еще человѣкъ 70 студентовъ и напвавились съ ними къ части. Публика за ними. Свистъ, шиканье не прекращались ни на минуту. Къ 7 часамъ къ театру прибыла съ барабанами и штыками рота пѣхоты. Къ этому времени публикѣ стало уже извѣстно, что паровозостроительный заводъ забастовалъ на этотъ день и что рабочіе идутъ на мѣсто происшествія.

Къ 9 часамъ все пространство былъ запол-

нено тысячной толпой; преобладали мастеровые: студенты уже терялись среди нихъ. Интеллигентной публики также было много. Рабочіе затянули „Дубинушку“, затѣмъ „Ахъ, ты воля!“ и др. Во время пѣнія изъ двора Юзефовича внезапно выскочилъ отрядъ казаковъ и безъ всякаго предупрежденія пустилъ въ ходъ плети. Били даже женщинъ, стоявшихъ на тротуарѣ и смотрѣвшихъ на толпу, и т. д. Были ранены рабочіе, студенты. Народъ поддался, но рабочіе бросились къ изгороди сквера и, разломавъ ее, вооружились дрекольемъ. Впереди бѣжали мальчишки, которые потомъ влѣзали другъ на друга и, махая въ тактъ кольями, придавали всей картинѣ довольно фантастическій видъ. Казакамъ былъ отданъ приказъ вынуть шашки, но это не помогло. Шашки были пущены въ ходъ, но толпа не расходилась. Толпа давала отпоръ до 11 часовъ вечера. Слѣдующіе дни весь Харьковъ жилъ только тѣмъ, что „происходило на Сумской“. По самымъ захолустнымъ улицамъ слышны были разговоры простого народа на тему о причинахъ столкновенія. Всѣ въ одинъ голосъ называли годовщину освобожденія причиной. „Нашихъ

дѣдовъ били 40 лѣтъ назадъ, когда крѣпостными были, а теперь студенты объ этомъ вспомнили, и вотъ ихъ теперь бьютъ".

* *
*

Въ Москвѣ въ пятницу, 23-го февраля, состоялась днемъ сходка на университетскомъ дворѣ, явилась полиція и предложила разойтись. Студенты отвѣчали, что они на университетскомъ дворѣ подлежатъ вѣдѣнію своего университетскаго начальства. Полиція будто бы сказала, что теперь вся власть надъ студентами правленіемъ университета передана ей. Послѣ этого студенты выломали дверь въ актовую залу и тамъ занялись обсужденіемъ положенія дѣла.

Высыпавшую черезъ нѣкоторое время толпу студентовъ полиція погнала въ манежъ. По дорогѣ къ оцѣпленнымъ присоединились курсистки и нѣсколько группъ студентовъ. Въ манежѣ всего оказалось 750 человѣкъ.

Въ пятницу, субботу и воскресенье кругомъ собиралась толпа, выбившая стекла въ манежѣ и пытавшаяся вступить въ переговоры съ запертыми тамъ. Въ манежѣ студентамъ пришлось пробыть до 3-хъ часовъ ночи воскре-

сенія. Первыя сутки не давалось никакой казенной пищи. Имѣвшейся своей оказалось недостаточно. Спать почти не пришлось, такъ какъ въ манежѣ оказалось очень немного лавокъ, земляной же полъ былъ страшно сырой.

Черезъ нѣкоторое время начали пріѣзжать власти, предложили желающимъ разойтись. Всѣ отказались. Тогда полицеймейстеръ объявилъ всю толпу арестованной. Между тѣмъ голодъ, тяжелый спертый воздухъ и безсонница давали себя знать; нѣкоторые падали въ обморокъ. Тогда студенты потребовали къ себѣ прокурора, заявивъ, что они, какъ арестованные, по закону должны получать пищу. Лишь послѣ этого въ манежѣ появились котлы, и были сварены щи.

Раза два въ манежѣ дѣло чуть было не дошло до столкновенія. Окна въ манежѣ расположены на $1^1/_2$—2 сажени отъ пола, но въ одномъ мѣстѣ насыпная земляная гора даетъ возможность видѣть улицу. На этой горкѣ собралась кучка студентовъ человѣкъ въ 30, начались платками и знаками переговоры съ улицей. Явился Сазоновъ (помощникъ начальника охраннаго отдѣленія) и предложилъ

военному полковнику невооруженной силой занять эту горку, а часть вооруженныхъ солдатъ отвести къ какой-то двери. Полковникъ сразу двинулъ два отряда. Храбро взошелъ онъ первый на горку и, схвативъ какого-то студента за плечо, грубо потребовалъ: „очистить горку". Конечно, студенты спустили полковника кубаремъ внизъ. Послѣдній разсвирѣпилъ и скомандовалъ „въ штыки". Солдаты двинулись. Однако, подоспѣвшіе въ это время Сазоновъ и молодые офицеры удержали полковника отъ избіенія безоружныхъ.

За время пребыванія въ манежѣ студенты нѣсколько разъ собирали сходки; къ ихъ рѣчамъ, попросивъ позволенія приблизиться, нерѣдко прислушивались молодые офицеры.

Въ ночь на понедѣльникъ состоялась переправа арестованныхъ въ Бутырки. Здѣсь человѣкъ 20—30 были посажены въ одиночки, остальные въ общую. Къ концу второй недѣли (2—3 марта) начали немногихъ по просьбамъ родителей отпускать домой, обязывая немедленно выѣхать изъ Москвы. Въ понедѣльникъ, 26 февраля, и особенно въ воскресеніе, 4 марта, полиція предприняла чрезвычайныя мѣры противъ ожидавшихся народныхъ

собраній. На большихъ улицахъ и площадяхъ во многихъ дворахъ были спрятаны вооруженные солдаты, полиція и жандармы. Однако, эта недѣля въ Москвѣ прошла спокойно. Въ техническомъ и университетѣ занятія продолжались. Инженерное училище почти единогласно забастовало; занятія здѣсь почти прекратились.

У Цинделя рабочіе волновались; въ толпѣ поговаривали о томъ, что еще не то будетъ!

Въ воскресеніе утромъ толпа въ 1500—2000 человѣкъ (рабочіе, студенты и просто интеллигенція), демонстративно шедшая по Тверскому бульвару, направляясь на Тверскую къ дому ген.-губернатора, строила баррикады изъ скамеекъ и заставила роту казаковъ, мчавшихся во главѣ съ офицеромъ во весь опоръ по бульвару по направленію къ толпѣ, остановиться передъ самой толпой, которая громкимъ свистомъ и ругательствами выражажала свое презрѣніе къ казакамъ. Вдругъ раздались крики, что сзади оцѣпила толпу масса городовыхъ. Толпа бросилась обратно и разорвала цѣпь. Здѣсь произошло прямо-таки побоище. Городовые пытались задерживать отдѣльныхъ лицъ; толпа

отбивала ихъ и только благодаря казакамъ, уже успѣвшимъ подоспѣть, городовые смогли задержать около 10 человѣкъ, но не больше. Толпа разошлась.

Исполнительный Комитетъ въ этотъ день издалъ прокламацію, приглашавшую студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ, для того, молъ, чтобы сохранились силы для обструкціи въ университетѣ. Исполнительный Комитетъ проявилъ здѣсь, то же дикое непониманіе значенія уличныхъ манифестацій, какое проявлялъ онъ и раньше (въ 1899 г.) по другимъ вопросамъ. Присутствіе студентовъ въ толпахъ народа придавало опредѣленную окраску демонстраціи. Студенты могутъ пѣть революціонныя пѣсни, которыхъ масса не знаетъ, но къ которымъ со вниманіемъ она прислушивается, какъ это было на предыдущихъ манифестаціахъ, когда пѣлись „Марсельеза“, „Укажи мнѣ такую обитель“ и др. Присутствіе студентовъ даже радовало толпу, какъ указатель серьезности манифестаціи. Толпа понимала, что полиція и публика иначе смотритъ на нее, если во главѣ ея идутъ студенты. Исполнительный Комитетъ объявилъ, что манифестаціи ясно

показали сочувствіе общества, и приглашалъ студентовъ не принимать абсолютно никакого участія въ нихъ.

Въ 4 часа Театральная площадь была вся залита толпой. Толпа двигалась по Тверской къ дому ген.-губернатора. Прискакавшіе казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку отправилась на Неглинный проѣздъ. Оттуда на Кизнецкій. Надо отмѣтить, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбѣгалась при видѣ городовыхъ и казаковъ, а встрѣчала ихъ единодушнымъ шиканіемъ, свистомъ и ругательствами. Она или слѣдовала единодушно указаніямъ вожаковъ („сплотись!“, „направо!“, „впередъ!“), которые, между прочимъ, всегда находились среди интеллигентныхъ рабочихъ (студенты почти совсѣмъ не принимали участія), или ясно давали знать свое несогласіе съ вожаками и заставляли ихъ перемѣнять направленіе. На Неглинномъ казаки разъединили толпу на три части. На Лубянской площади толпа приняла грандіозные размѣры. Итти къ Политехническоту музею отказались (не видя, очевидно, цѣли, такъ какъ сходки тамъ не было), и какъ ни убѣждали, какъ ни

просили ее вожаки, она не двигалась. Потомъ и сами вожаки рѣшили, что можно и другимъ путемъ, болѣе близкимъ, выйти на Мясницкую, куда толпа охотна пошла. Каждаго студента, котораго толпа встрѣчала, она привѣтствовала киданіемъ шапокъ и криками сочувствія и приглашеніемъ присоединиться. Въ случаѣ согласія (которое, кстати, бывало очень рѣдко) толпа поднимала его на ура, апплодировала и т. д. А въ противномъ случаѣ она провожала его смѣхомъ и свистомъ. Если толпа видѣла издали другую, тоже демонстрирующую толпу, то онѣ встрѣчали другъ друга громкими криками сочувствія, бросаніемъ шапокъ и т. п. Приставовъ, даже отдѣльно идущихъ, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать. Постовые городовые прямо убѣгали со своихъ постовъ. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки или трактира, но, если мальчики позволяли себѣ разбивать фонари, толпа не пускала ихъ, при чемъ раздавались крики: „потомъ будутъ писать про насъ, что мы просто „буянили“, „все равно съ насъ потомъ налогами сдерутъ“ и т. д.

Въ этомъ отношеніи поведеніе было безукоризненное. Пройдя Мясницкую, толпа двинула на бульваръ. Тутъ она все росла и росла, и когда была недалеко отъ Тверской (одинъ бульваръ отдѣлялъ), народу было не меньше 8000 человѣкъ. Студентовъ было, можетъ быть, нѣсколько человѣкъ, не больше. Передъ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей" толпа остановилась. Рабочіе рѣшили разрушить редакцію. Но тутъ прискакали казаки и городовые. Казаки съ нагайками и пиками разъединили толпу на 4 части, а городовые начали избивать (въ буквальномъ смыслѣ слова) отдѣльныхъ лицъ изъ толпы, замѣченныхъ какъ вожаковъ. Толпа забрасывала снѣжками и льдинами казаковъ, заставила офицера уѣхать на самый задъ, но городовые подъ защитой казаковъ буквально избивали толпу, встрѣчая, положимъ, и хорошій опоръ. На Тверской улицѣ и Страстной площади въ воздухѣ стоялъ свистъ отъ нагаекъ. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. Въ этотъ же день былъ устроенъ кошачій концертъ передъ домомъ ген.-губернатора.

Въ воскресенье толпы ходили и по другимъ улицамъ. Около университета цѣлый день

стояла тысячная толпа. Въ понедѣльникъ въ общемъ было довольно тихо. На Охотномъ ряду произошло столкновеніе съ полиціей; на одной сторонѣ студенты и охотнорядцы за студентовъ, а на другой — полиція.

На 4-ое марта была опять назначена сходка у Страстнаго монастыря около 12—2 часовъ, при чемъ ждали рабочихъ. Но, оказалось, у всѣхъ заставъ были поставлены войска, чтобъ не пропустить ихъ въ городъ.

* * *

Въ Петербургѣ произошла демонстрація 4-го марта, во время которой полиція совершила кровавую расправу со студентами и публикой.

Еще наканунѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, было рѣшено устроить на слѣдующій день демонстрацію, какъ протестъ противъ возмутительныхъ и беззаконныхъ дѣйствій правительства за послѣднее время относительно студентовъ, и воспользоваться, какъ мѣстомъ собранія, Казанскимъ соборомъ. Въ воскресенье 4-го числа уже съ утра стали притекать туда огромныя толпы студентовъ, курсистокъ,

рабочихъ и масса интеллигенціи, среди которой было много писателей, юристовъ и др. Къ 12 часамъ весь соборъ, вся площадь передъ нимъ, весь Невскій отъ угла Садовой до Полицейскаго моста были заняты народомъ, численность котораго была, по меньшей мѣрѣ, тысячъ десять. Полиція почти совершенно отсутствовала. Та незамѣтная часть ея, которая была, а также и градоначальникъ Клейгельсъ, появлявшійся по временамъ, ни разу (вопреки увѣреніямъ правительственнаго сообщенія) не обращались къ публикѣ съ просьбой разойтись.

Около 12 часовъ одинъ студентъ сталъ вслухъ читать передъ собравшейся публикой прокламацію, разъясняющую причину демонстраціи и смыслъ и значеніе протеста. Въ то же время подобныя прокламаціи стали ходить по рукамъ. Конецъ чтенія былъ покрытъ громогласнымъ „ура“. Не успѣли утихнуть послѣдніе звуки его, какъ изъ воротъ нѣсколькихъ близъ лежащихъ домовъ выскочили отряды казаковъ и жандармеріи, а изъ боковыхъ улицъ появилась полиція. Врѣзавшись галопомъ въ толпу, онѣмѣвшую отъ неожиданности и невыразимаго негодованія, казаки

мигомъ отдѣлили стоящихъ передъ соборомъ отъ бывшихъ на паперти и за колоннадой. Въ состояніи оцѣпенѣнія публика находилась однако не долго. Посыпавшіеся на нее градомъ удары заставили ее оглянуться. Какъ молнія влетая въ безоружную толпу и топча своими лошадьми все встрѣчавшееся на пути, казаки наносили удары нагайками направо и налѣво. Отъ ударовъ люди корчились, пригибались къ землѣ, падали, обливаясь кровью, но ревностные и, кстати сказать, заранѣе подпоенные исполнители начальственныхъ приказаній нисколько не смущались и продолжали свое страшное дѣло. Истоптавъ копытами лошадей упавшихъ подъ ударами изъ только-что искромсанной толпы, они налетали на другую толпу, и ихъ нагайки встрѣчали новое мясо, новую кровь. . .

Въ то же время на паперти собора происходило слѣдующее. Подвигаясь верхомъ вдоль нижнихъ ступеней, казаки, дошедшіе до какого-то звѣрскаго остервенѣнія, рубили нагайками прямо по головамъ. Несмотря на то, что лошади на лѣстницу не шли, казаки умудрялись довольно глубоко запускать въ толпу свои нагайки, такъ какъ публика густо усѣ-

ивала паперть, и двинуться было некуда: спереди казаки, сзади стѣна, а изъ всѣхъ дверей собора была открыта только одна съ лѣвой стороны, въ которую съ трудомъ одновременно входитъ два человѣка. Часть обезумѣвшей отъ боли, ярости и негодованія толпы бросилась, наконецъ, искать какихъ-либо предметовъ для самозащиты, разрушила близъ находящуюся рѣшетку и съ желѣзными прутьями въ рукахъ кинулась на своихъ мучителей. Въ этотъ моментъ одинъ изъ толпы бросилъ какимъ-то тяжелымъ предметомъ и попалъ въ голову казацкаго офицера, который, обливаясь кровью, упалъ съ лошади. Тотчасъ же послѣ этого казаки соскочили съ лошадей, врѣзались въ толпу на паперти, и тутъ ужъ звѣрскимъ инстинктамъ былъ данъ ходъ. Не разбирали ни пола, ни возраста, ни общественнаго положенія, ни даже, наконецъ, въ опьянѣніи ярости, ни своихъ, ни чужихъ. Такъ, сильно избитъ нагайками офицеръ; тяжело раненъ ударомъ полицейской шашки казакъ. Не поддается описанію все то, что здѣсь творилось, но отдѣльныя картинки поражаютъ своей безчеловѣчной жестокостью. Вотъ группа казаковъ вырываетъ изъ толпы

студента, обрушивается на него съ нагайками и бьетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не падаетъ; оправившись, студентъ встаетъ и отбѣгаетъ въ другую сторону, но тутъ его подхватываютъ полицейскіе и бьютъ своими шашками, пока, въ конецъ обезсиленный, онъ не встаетъ уже больше. Вотъ городовые вытаскиваютъ за косу курсистку, избиваютъ ее до полусмерти шашками и, когда она безъ чувствъ падаетъ на землю, одинъ изъ полицейскихъ волочитъ ее по землѣ, кидаетъ на извозчика и увозитъ. Вотъ одна дѣвушка, съ буквально отсѣченной шашкой щекой и съ кровавымъ рубцомъ нагайки на другой, ищетъ, какъ бы ей вырваться изъ этого ада. Вотъ студентъ, сильно избитый на паперти нагайками, сталкивается оттуда казаками съ такой силой, что онъ прямо врѣзывается лицомъ въ чугунную рѣшетку Екатерининскаго канала . . . Напрасны были протесты все вновь прибывающей публики; ничего не могли сдѣлать убѣжденія военныхъ и даже генераловъ; приказы пьянаго начальства продолжали исполняться по прежнему. Били студентовъ, били курсистокъ, били писателей, били чиновниковъ, били всѣхъ и били безпощадно!

Избиваемые группами отправлялись по различнымъ участкамъ.

Въ то время, когда у Казанскаго собора происходили всѣ неистовства, на другомъ концѣ Невскаго проспекта совершалось другое дѣло. Изъ разныхъ концовъ города къ Нарвской заставѣ стали собираться рабочіе (главнымъ образомъ, изъ Обуховскаго и другихъ близъ лежащихъ заводовъ) съ цѣлью присоединиться къ демонстраціи. Но не успѣли они пройти нѣкоторое разстояніе, какъ были окружены жандармами, казаками, и съ этимъ народомъ церемониться уже совершенно не стали: отданъ былъ приказъ стрѣлять, и раздался залпъ. . . Число убитыхъ и раненыхъ тщательно скрывается полиціей. Рабочіе Путиловскаго завода также хотѣли присоединиться къ демонстрантамъ, но заводъ былъ заблаговременно оцѣпленъ войсками, и никого не выпускали. Весь день до поздней ночи Невскій кишѣлъ народомъ, несмотря на усиленныя старанія конныхъ полицейскихъ и казаковъ съ нагайками разогнать народъ: уходили съ одного мѣста и собирались въ другомъ.

Кровавая расправа не ограничилась однако

этимъ днемъ, а происходила и въ слѣдующіе дни. Такъ, 5-го марта на группу курсистокъ и студентовъ, остановившихся на улицѣ поговорить о свиданіи съ сидящими въ мѣстахъ заключенія, налетѣлъ отрядъ казаковъ, при чемъ одна 18-ти лѣтняя курсистка не успѣла отбѣжать въ сторону, была сшиблена съ ногъ, и весь отрядъ проѣхалъ по ней. Ее удалось привести въ чувство только на слѣдующій день; всѣ ребра у ней перебиты, и въ живыхъ она врядъ ли останется.

* * *

Какъ можно было ожидать, волна протеста охватившаго столичные города, перешла скоро и на всѣ остальные университетческіе города.

* * *

Въ понедѣльникъ 5 марта въ Юрьевскомъ университетѣ была примѣнена, какъ было рѣшено на сходкѣ, обструкція, и университетъ былъ затѣмъ по распоряженію ректора временно закрытъ.

* * *

7 марта студенты политехника Риги собрались на сходку, въ количествѣ 650 человѣкъ, на которой рѣшено было выставить слѣдующія требованія:

1) Упраздненіе „временныхъ правилъ".

2) Возвращеніе высланныхъ товарищей.

3) Наказаніе убійцъ, жертвами которыхъ пали многіе товарищи въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д.

4) Разрѣшеніе студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній основывать студенческіе кружки и другія организаціи.

5) Судъ присяжныхъ въ дѣлѣ Карповича.

Большинствомъ 642 противъ 8 человѣкъ рѣшено было требовать закрытія института, а въ случаѣ отказа — объявить забастовку.

9 марта въ Рижской газетѣ появилось слѣдующее сообщеніе: „Вчера (8 марта) Рижскій Политехническій институтъ временно закрытъ по повелѣнію попечителя округа".

* * *

Въ Одессѣ студенты, узнавъ о харьковскомъ избіеніи товарищей 19 февраля, рѣшили протестовать въ видѣ забастовки. Сходка сравнительно удалась, такъ какъ она вышла случайная.

* * *

11-го марта въ Томскѣ ступенты устроили демонстрацію. Послѣ сходки, устроенной за

городомъ (въ концѣ Никитской улицы), студенты направились въ городъ по Почтамской и, дойдя до реальнаго училища, повернули къ Базарному мосту. Здѣсь начали читать прокламаціи и благодарить публику за сочувствіе, выраженное демонстрантамъ. Въ демонстраціи принимало участіе около 300 технологовъ и универсантовъ, а къ нимъ присоединилось не малое число разной публики — горожанъ. Шествіе по улицамъ сопровождалось пѣніемъ: „Медленно движется время. . .“, „Укажи мнѣ такую обитель“ и другихъ пѣсенъ. Демонстрація была устроена въ воскресенье, благодаря чему публика собралась въ большомъ количествѣ. Студенты воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы раздать свои гектографированныя прокламаціи.

Во время демонстраціи никакихъ столкновеній ни съ жандармами, ни съ полиціей не было.

* * *

Числа около 10-го марта начались волненія въ Ярославскомъ лицеѣ. 11-го въ зданіи лицея состоялась сходка въ 170 чел. студентовъ. Для разсѣянія ихъ были приглашены 4 роты и вся мѣстная полиція.

Въ Варшавѣ забастовалъ Ветеринарный институтъ. Поляки и евреи-сіонисты, составляющіе большинство въ университетѣ, были противъ забастовки, поэтому въ Варшавскомъ университетѣ лекціи продолжились.

* * *

Въ Житомирѣ 200 гимназистовъ устроили уличную демонстрацію. Всѣ они исключены были изъ гимназіи. Въ Одессѣ нѣсколько гимназистовъ послали протестъ, за что были уволены.

* * *

Въ Иркутскѣ забастовала духовная семинарія. Требовали оставки ректора. Сочувствіе къ семинаристамъ было очень большое. Ученики другихъ средне-учебныхъ заведеній собрали 500 руб. для семинаристовъ.

* * *

Въ Кіевѣ произошла грандіозная демонстрація въ воскресенье 11-го марта. Студенты стали собираться на углу Прорѣзной улицы и, вдругъ запѣвъ „Встань, подымайся русскій народъ“, двинулись на Крещатикъ, распустивъ знамя рабочее (красное). Приготовленные

рабочіе бросились со всѣхъ сторонъ и двинулись съ гимномъ „Встань, на борьбу, собирайся!“ вдоль по Крещатику къ Думѣ. Демонстрантовъ была такая масса, что совершенно запрудили улицу, и движеніе прекратилось. Кромѣ того, много было публики, такъ что толпа образовалась тысячъ въ 15-ть. И это съ пѣніемъ и криками „да здавствуетъ свобода“ двинулось къ думѣ. Тутъ появилось войско, но ничего не могло сдѣсать. Нагайки не были пущены въ ходъ. Оттуда повернули и пошли обратно по Крещатику; дойдя до конца, повернули вновь, такъ какъ дальнѣйшій путь преградили войска, и дойдя до Думы, часамъ къ 4, стали расходиться. Инцидентъ произошелъ слѣдующій: къ студенту, несшему знамя, подскочилъ какой-то субъектъ и ударилъ по головѣ палкой, но за такое нахальство ему здорово досталось. Рабочіе подняли свои дубины и чуть его не убили.

* * *

На воскресеніе, 11 марта, готовилась въ Петербургѣ большая демонстрація учащихся и, главнымъ образомъ, рабочихъ въ разныхъ частяхъ города. Но учащіеся, въ концѣ кон-

цовъ, высказались противъ, и рабочихъ тоже, какъ говорятъ, убѣдили не дѣлать демонстраціи, хотя убѣдили съ трудомъ.

Но какъ бы то ни было, полиція была наготовѣ. Въ субботу съ 10 часовъ вечера по главнымъ улицамъ стали разъѣзжать большіе казачьи патрули, въ первомъ часу ночи казаки заняли болѣе значительныя площади недалеко отъ Казанскаго собора. Отъ имени градоначальника Клейгельса были повсюду расклеены объявленія, въ которыхъ строжайше запрещалось всякое скопленіе и остановка на улицахъ подъ угрозой денежнаго штрафа (до 500 руб.) и тюремнаго наказанія. Войскамъ розданы были боевые патроны — по слухамъ, было на каждаго солдата 32, — во дворѣ Воспитательнаго дома стояли конные городовые. Количество патроновъ удостовѣрить невозможно, но несомнѣнно, что было распоряженіе о стрѣльбѣ, слѣдствіемъ чего и было объявленіе студентовъ университета, отмѣняющее демонстрацію. Вотъ оно:

Въ виду того, что собраніе представителей С.-Петербургскихъ учебныхъ заведеній (делегатское собраніе) высказалось за несвоевре-

менность предполагавшейся на 11-ое марта уличной демонстраціи, Организаціонный Комитетъ студентовъ С.-Петербургскаго университета считаетъ необходимымъ взять назадъ свое приглашеніе на демонстрацію 11-го марта.

Организаціонный Комитетъ студентовъ С.-Петербургскаго университета.

Но, несмотря на это, все же 11-го марта въ 12 часовъ Невскій былъ запруженъ толпой, которая гуляла, не останавливаясь, и смѣялась, видя, что полиція и войска должны были съ ранняго утра сидѣть во дворахъ. Толпа двигалась нестройной массой и, въ концѣ концовъ, разошлась.

* * *

Общественное волненіе отразилось и на праздникъ 1-го мая, который въ послѣдніе годы пріобрѣлъ въ Россіи право гражданства среди рабочей массы.

Въ этомъ году во многихъ мѣстахъ Россіи рабочіе рѣшили праздновать день 1-го мая уличными демонстраціями, слѣдуя примѣру своихъ западно-еврейскихъ товарищей. Но въ Европѣ, гдѣ повсюду рабочіе могутъ безпрепятственно устраивать процессіи по улицамъ

города съ красными флагами, пѣніемъ и рѣчами, — демонстраціи эти не имѣютъ того политическаго значенія, какое онѣ получаютъ въ самодержавной Россіи. Въ западной Европѣ онѣ служатъ лишь напоминаніемъ для буржуазіи о грядущемъ днѣ освобожденія труда отъ капитала, въ который вѣрятъ рабочіе-соціалисты, но который не представляетъ опасности ни капиталистамъ, ни правительствамъ настоящаго времени, въ виду своей отдаленности въ неопредѣленномъ будущемъ. Не то въ Россіи, гдѣ подобная демонстрація представляется протестомъ не только противъ экономическаго, но и самодержавнаго строя, угнетающаго русскій народъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что демонстративное шествіе рабочихъ по городу съ красными знаменами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ сопряжено съ встрѣчей съ войсками, полиціей и съ рискомъ для демонстрантовъ быть не только избитыми нагайками, но и изувѣченными штыками и даже застрѣленными. Поэтому рѣшимость выступить къ уличной демонстраціи является для русскихъ рабочихъ не только празднованіемъ всеобщаго рабочаго праздника, но и актомъ значительнаго гражданскаго мужества.

Понятно, что люди, интересующіеся рабочимъ движеніемъ, повсюду съ волненіемъ ожидали извѣстій о майскихъ демонстраціяхъ этого года, которыя однако получались это время съ большими запозданіями, благодаря строгому правительственному контролю писемъ и телеграммъ. По имѣющимся сообщеніямъ извѣстно, что майскія демонстраціи рабочихъ были во многихъ городахъ Россіи (въ фабричныхъ центрахъ) и что окончились онѣ благополучно, если не считать неизбѣжныхъ при этомъ арестовъ и расправы нагайками, которыя казаки нускали въ ходъ, чтобы разгонять демонстрантовъ.

Такъ напр. въ гг. Вильнѣ, Варшавѣ, Томскѣ, Лодзи — демонстраціи удались безъ особыхъ осложненій съ полиціею при огромномъ стеченіи рабочихъ, которые съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами „долой самодержавіе“ проходили по улицамъ, неся красное знамя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже говорились публичнныя рѣчи. Въ Варшавѣ, говорятъ, рабочіе, ожидая нападенія войска, были всѣ вооружены, но начальство на этотъ разъ вело себя умнѣе прошлогодняго и предоставило демонстрантамъ спокойно

пройти по улицамъ; войска лишь расчищали имъ дорогу, оттѣсняя постороннюю публику. Послѣ двухчасового шествія по городу рабочіе спокойно разошлись по домамъ.

Въ Двинскѣ во время приготовленій къ демонстраціи генералъ мѣстныхъ войскъ обратился къ нимъ приблизительно съ такой рѣчью: „Мы обязаны защищать престолъ и отечество отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Съ внутренними врагами мы, вѣроятно, сегодня встрѣтимся. Мы должны стоять крѣпко — до послѣдней капли крови“. . .

Въ это время улицы стали наполняться рабочими, къ которымъ мѣстный полцеймейстеръ обратился съ слѣдующими словами;

— У васъ сегодня праздникъ? Хорошо, ладно! Празднуйте, гуляйте. Но зачѣмъ собираться такими огромными толпами?

Вскорѣ послѣ этого на Невской улицѣ раздалось громкое „ура“!“, а вслѣдъ затѣмъ звуки марсельезы и революціонные возгласы. Рабочіе прошли нѣсколько улицъ, послѣ чего были разсѣяны конницей, и около 200 человѣкъ были арестованы.

Въ г. Тифлисѣ майскій праздникъ кончился кровопролитіемъ. На такъ называе

момъ „Солдатскомъ Майданѣ“ (площадь) собралось нѣсколько сотъ туземцевъ — рабочихъ и подняли красное знамя. Явились казаки и полиція и, вступивъ въ драку съ рабочими, овладѣли краснымъ знаменемъ и разогнали толпу. Говорятъ, когда пріѣхалъ губернаторъ, онъ нашелъ на площади лежащими нѣсколько человѣкъ, тяжело раненныхъ револьверами и палками.

Въ Ковнѣ, Креславкѣ (Витеб. губ.), были также небольшія уличныя демонстраціи рабочихъ, окончившіяся спокойно.

Въ Прибалтійскомъ краѣ въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ наканунѣ майскихъ дней были произведены массовые аресты, а потому демонстраціи не состоялись.

Не удалась демонстрація и въ Петербургѣ, гдѣ она предполагалась быть въ воскресеніе 22 апрѣля ст. ст. на Невскомъ проспектѣ. Между 18—22 апрѣля были произведены въ Петербургѣ небывалые по размѣрамъ массовые аресты. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными; въ рабочихъ кварталахъ повсюду были разставлены войска и полиція.

Тѣмъ не менѣе броженіе среди рабочихъ не улеглось.

7-го мая ст. ст. на Обуховскомъ сталелитейномъ казенномъ заводѣ произошло сильное волненіе рабочихъ, сопровожденное столкновеніемъ съ войсками. Дѣло началось съ того, что нѣкоторые хотѣли справить маевку и не пришли на работу; ихъ было очень немного; обыкновенно этотъ день начальствомъ не считался за праздникъ, но уходящіе не штрафовались. Нѣкто Ивановъ, оставшійся исполнять должность директора (кажется), объявилъ, что не явившіеся на работу получатъ расчетъ. Онъ надѣялся замѣнить ихъ изъ сосѣдней частной фабрики, которая то и дѣло разсчитывала рабочихъ за отсутствіемъ работы. Но всѣ рабочіе той мастерской, гдѣ работали „маевщики“, заявили, что и они требуютъ расчета; за ней потребовала другая. Тогда Ивановъ призадумался и рѣшилъ по частямъ разсчитывать, замѣняя ихъ съ той фабрики. Недовольство росло, и вотъ 7-го мая сначала нѣсколько десятковъ рабочихъ, а потомъ толпа стала ходить и останавливать въ мастерскихъ работу, а сопротивлявшихся даже били; затѣмъ дали гудокъ, заводъ сталъ. Съ крикомъ и свистомъ вышли рабочіе изъ завода, ругая Ива-

нова; полетѣли камни въ его квартиру. Ивановъ, грубо ругаясь, вышелъ къ толпѣ, спрашивая, что̀ ей надо. Рабочіе потребовали возвращенія товарищей; Ивановъ отказалъ, продолжая ругаться. Нѣкоторые рабочіе, возмущенные его обращеніемъ, хотѣли тутъ же убить его. Разсказываютъ, что одинъ рабочій съ этой цѣлью искалъ его, но все неудачно. Толпа двинулась окончательно къ воротамъ, но сторожъ не пускалъ; тотъ же рабочій ударилъ его ножемъ и убилъ тутъ же (его поймали). Затѣмъ толпа разсыпалась по улицѣ и дворамъ. Ивановъ вызвалъ войска и полицію, по прибытіи которыхъ началась погоня конныхъ и вооруженныхъ людей за толпой. 200 человѣкъ вошли во дворъ картонной фабрики, заперли ворота, и оттуда посыпался градъ камней на полицію и солдатъ, которые сначала отступили, но потомъ штурмомъ взяли крѣпость и бросились во дворъ. Рабочіе разбѣжались по домамъ; христолюбивое воинство ринулось туда и, говорятъ, сбрасывало съ лѣстницъ и вообще не стѣснялось при водвореніи спокойствія. Здѣсь было взято 200 человѣкъ и тотчасъ же на пароходѣ отправлены въ участки.

Сопротивленіе продолжалось и толпа на улицѣ росла; паровичекъ, который ходитъ отъ Николаевскаго вокзала по Шлиссельбургскому тракту, принужденъ былъ остановиться. Укротители, раздраженные сопротивленіемъ, потому что камни, палки и ножи были пущены въ ходъ, колотили толпу сначала прикладами, шашками, но вотъ раздалась команда „пли“, и раздались одинъ за другимъ три залпа. Стрѣляли въ упоръ боевыми зарядами. Толпа бросилась вразсыпную, но ей въ догонку посылались еще отдѣльные выстрѣлы, которые попадали въ дома и убивали мирно сидѣвшихъ тамъ. Такъ убили 13-ти лѣтняго мальчика, ранили въ щеку навылетъ дѣвочку.

Убитыхъ 10 человѣкъ, раненыхъ очень много; насчитываютъ до 20—30 человѣкъ. 8-го и 9-го все было спокойно. Присоединился и Семяниковскій заводъ (забастовалъ); тутъ дѣло окончилось мирно, благодаря такту управляющаго. Говорятъ, что на помощь Обуховскому заводу шли рабочіе съ Путиловскаго завода и изъ Колпина, но ихъ не пустили войска.

На Выборгской сторонѣ со 2-го по 4-ое мая было такое же движеніе, были вызваны

войска, но они не стрѣляли, а работали только прикладами; сопротивленіе со стороны рабочихъ было очень сильное; дома, гдѣ засѣли рабочіе, брались приступомъ, и одинъ изъ нихъ былъ настоящій „фортъ Шаброль“; домъ такъ исковерканъ, что сейчасъ же принялись за его поправку. Десять фабрикъ на Выборгской сторонѣ забастовали.

Волненія среди рабочихъ Петербурга въ послѣдніе дни все больше и больше усиливаются и распространяются на рабочія массы другихъ городовъ, въ особенности южнаго края. Экономическій кризисъ и безработица представляютъ тотъ базисъ, на которомъ выростаетъ теперь революціонное броженіе рабочихъ массъ.

Студенческое волненіе превратилось такимъ образомъ въ крупное политическое движеніе, встрѣтившееся съ революціоннымъ волненіемъ русскаго рабочаго сословія.

III.

Террористическіе акты передъ судомъ.

14-го февраля студентъ Карповичъ выстрѣлилъ въ министра Боголѣпова и нанесъ ему смертельную рану.

9 марта было произведено покушеніе на оберъ-прокурора синода — Побѣдоносцева. Виновникъ покушенія Николай Лиговскій, самарскій статистикъ, выстрѣлилъ съ улицы въ окно дома Побѣдоносцева. Такъ какъ окно это расположено настолько высоко, что черезъ него нельзя видѣть съ улицы, что̀ дѣлается въ комнатѣ, то предполагаютъ, что покушавшійся не имѣлъ серьезнаго намѣренія убить Побѣдоносцева.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого поку-

шенія былъ произведенъ выстрѣлъ въ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Сипягинъ остался невредимъ. Покушавшійся скрылся въ одномъ изъ проходныхъ дворовъ С.-Петербурга.

Дѣло Карповича разбиртлось 17-го марта передъ судомъ сословныхъ представителей въ Петербургѣ, и волновало въ высокой степени всѣ оппозиціонные элементы Россіи. Власти въ этотъ день приняли чрезвычайныя мѣры предосторожности и придали дѣлу особенную политическую торжественность.

17-го марта прилегающая къ Окружному Суду мѣстность являла необычайный видъ: на углахъ и посреди улицъ стояли городовые и полицейскіе офицеры, во дворѣ Дома предварительнаго заключенія толпились конные полицейскіе; самый Судъ превратился въ почти недоступную крѣпость: ворота и прилегающій къ нимъ проходъ были заперты, около нихъ бодрствовала полиція, дворъ былъ переполненъ непрерывно двигавшимися пѣшими и спѣшившимися городовыми, весь средній этажъ, за исключеніемъ гражданскихъ отдѣленій, и часть верхняго были закрыты не только для публики, но и для служащихъ въ Судебныхъ

Установленіяхъ, присяжныхъ повѣренныхъ и пр. Всѣ эти мѣры не были неожиданностью: задолго до 17 марта зданіе Суда стало достояніемъ полиціи, которая производила тамъ осмотры, искала взрывчатыхъ веществъ и оставалась въ Судѣ даже до ночи. Что̀ побудило ее принять столь „энергичныя“ и столь необычайныя мѣры, — сказать трудно; надо думать — не слухъ о намѣреніи нѣкоторыхъ лицъ произвести въ день разбирательства дѣла демонстрацію передъ зданіемъ Суда, ибо онъ сталъ циркулировать въ городѣ только съ перваго числа марта, а вначалѣ предполагалось судить Карповича 3 марта, и указанныя мѣры предосторожности были пущены въ ходъ значительно раньше въ февралѣ; остается одно: боялись и судьи, и ихъ гости — министры новаго покушенія, новой попытки выстрѣломъ револьвера обратить вниманіе общества на ихъ вѣрноподданническую дѣятельность.

До смерти Боголѣпова Карповичу было предъявлено обвиненіе по 9 и 1454 ст. Ул. о нак. (покушеніе на убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ); умеръ Боголѣповъ, — обвинительный актъ моментально передѣ-

лали, отбросили 9 ст. и оставили 1454 ст. Быстрота и простота — поразительныя. Судъ, по истинѣ, скорый.

Судило Карповича Особое Присутствіе Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей; предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель Палаты В. Ф. Дейтрихъ; отъ дворянства засѣдалъ С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства Зиновьевъ, отъ города — С.-Петербургскій городской голова Леляновъ, отъ крестьянъ — Ропшинскій, волостной старшина. Обвинялъ товарищъ прокурора Палаты Гредингеръ, игравшій когда-то въ радикализмъ, чуть ли не высланный въ давно прошедшія времена куда-то на югъ Россіи. По назначенію предсѣдателя Палаты защищалъ Карповича присяжный повѣренный Турчаниновъ; попытки своей матери пригласить на защиту Карабчевскаго Карповичъ отклонилъ.

Еще до выхода палаты публика въ числѣ 60 человѣкъ, состоявшая исключительно изъ крупныхъ администраторовъ и лицъ судебнаго вѣдомства (Витте, Сипягинъ, Муравьевъ, Мандхинъ, Таганцевъ, сенаторы, оберъ-прокуроры, чины Палаты и другіе), впущенная въ залъ

по билетамъ, выданнымъ предсѣдателемъ, заняла свои мѣста. Предсѣдатель объявилъ, что согласно ордеру министра юстиціи и Высочайшему повелѣнію дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ, что въ залѣ могутъ оставаться только имѣющіе билеты, и предложилъ судебному приставу удалить тѣхъ, у кого нѣтъ билетовъ. Приставъ смутился не зная, какую ррль играть ему въ этой глупой комедіи, и отвѣтилъ, что такихъ лицъ въ залѣ не имѣется.

Приступили къ дѣлу.

На вопросъ о виновности Карповичъ отвѣчалъ: „да, я убилъ Боголѣпова, но виновнымъ себя не признаю“. Затѣмъ произнесъ приблизительно слѣдующую рѣчь.

„Окончивъ гимназію, я мечталъ объ университетѣ, какъ о храмѣ, откуда исходитъ свѣтъ, истина, правда, гдѣ свободные люди — профессора — излагаютъ студентамъ свободную науку. Дѣйствительность быстро показала мнѣ всю несостоятельность моихъ предположеній; о свободной наукѣ не было и рѣчи — профессора оказались чиновниками департамента народнаго просвѣщенія, безпрекословно исполняющими велѣнія своего на-

чальства, боящимися всякой свободной мысли, свободнаго слова. Попытки отдѣльныхъ лицъ войти въ болѣе близкія сношенія со студентами, вліять на нихъ въ нравственномъ смыслѣ вызывали немедленную репрессію, встрѣчали рѣзкій отпоръ со стороны начальства и, раньше всего, Боголѣпова, бывшаго тогда ректоромъ моего (московскаго) университета. Та же судьба постигла студентовъ, желающихъ заняться самообразованіемъ: кружки ихъ, землячества и т. п. — все это преслѣдовалось не только полиціей, но и особенно Боголѣповымъ. Относились къ нему студенты отвратительно; въ концѣ концовъ, ему предложили оставить ректорство и пригрозили публичной пощечиной; онъ самъ говорилъ объ этомъ на лекціи, жаловался на несправедливости къ нему студентовъ, но все-таки ушелъ. Однако очень скоро онъ былъ назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа; отношенія его къ профессорамъ, университету и наукѣ стало обнаруживаться еще рельефнѣе; тутъ разыгрались двѣ исторіи, глубоко возмутившія меня, заставившія окончательно возненавидѣть Боголѣпова.

Нѣкій Хвостовъ представилъ въ юридиче-

скій факультетъ сочиненіе для полученія ученой степени. Назначенные факультетомъ профессора признали его работу никуда не годной; но Хвостовъ — ученикъ Боголѣпова, его протеже, и попечитель вмѣшивается въ чисто университетское дѣло, назначаетъ оппонентами профессоровъ церковнаго и государственнаго права (а сочиненіе Хвостова — по римскому праву), которые даютъ работѣ иную оцѣнку, и Хвостовъ получаетъ искомую степень.

Другая исторія разыгралась по поводу профессора Захарьина. Студенты жаловались, что онъ не посѣщаетъ клиникъ и вообще ведетъ преподаваніе такимъ образомъ, что они ничему не могутъ научиться; въ результатѣ ихъ жалобы — однѣ репрессіи.

Потомъ разыгралась „Ходынская исторія“. Въ полугодовой день „Ходынки“ рѣшено было отслужить панихиду по безвременно погибшимъ. Казалось бы, вещь совсѣмъ безобидная; но нѣтъ, — полиція вмѣшалась, не пускала публику и студентовъ на Ваганьковское кладбище; произошли незначительныя столкновенія — въ результатѣ массовые аресты, меня продержали въ Бутырской тюрьмѣ 40 дней; а

потомъ выслали изъ Москвы на родину. И что̀ возмутительно, — въ Правительственномъ сообщеніи было сказано, что выслано 28—30 чел.; въ дѣйствительности, этой высылкѣ подверглось около 800 чел. Пробывъ нѣкоторое время на родинѣ и подъ надзоромъ полиціи, я получилъ разрѣшеніе поступить въ Юрьевскій университетъ. Изъ него я былъ исключенъ въ 1899 году за большіе безпорядки и отправился за границу".

На вопросъ предсѣдателя, гдѣ онъ былъ за границей, чѣмъ занимался, въ какомъ обществѣ вращался, Карповичъ отвѣтилъ, что не считаетъ нужнымъ подробно говорить объ этомъ, и объяснилъ, что занимался тѣми предметами, которые его особенно интересовали, и что почти все свое время проводилъ въ Королевской библіотекѣ.

Прочтя въ газетахъ сообщеніе о временныхъ правилахъ, онъ подумалъ, что никогда даже наше правительство не рѣшится привести этой мѣры въ исполненіе, и что правила изданы лишь для острастки студентовъ. „Въ началѣ этого года я прочелъ въ нѣкоторыхъ газетахъ слухъ объ отдачѣ въ Кіевѣ въ солдаты 30 студентовъ. Я не повѣрилъ, думая,

что это не болѣе, какъ газетная утка; каково же было мое удивленіе и негодованіе, когда черезъ нѣсколько дней я прочелъ правительственное сообщеніе Боголѣпова и узналъ, что, дѣйствительно, въ Кіевѣ сдали студентовъ въ солдаты, но не 30, а 183 чел. Я знакомъ съ бытомъ солдатъ, я ясно представилъ себѣ, какіе ужасы ожидаютъ этихъ юношей, я понималъ, что нѣкоторые изъ нихъ слабые, не достигшіе призывного возраста, даже при желаніи не могутъ хорошо исполнять требованій военной службы и дисциплины, я ужаснулся за ихъ судьбу и рѣшился протестовать. Но какъ? Печатать, говорить объ этомъ нельзя, да и безцѣльно. Одно средство оставалось у меня — выстрѣлить въ Боголѣпова, виновника всѣхъ этихъ мѣропріятій, хорошо извѣстнаго мнѣ еще по Москвѣ.

Ни съ кѣмъ не совѣщаясь, никому не говоря о своихъ планахъ, я рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и стрѣлять въ Боголѣпова. Мнѣ было безразлично, убью я его или нѣтъ; мнѣ хотѣлось обратить вниманіе всѣхъ на то, что̀ дѣлается у насъ, что̀ сдѣлано Боголѣповымъ. Револьверъ я купилъ за границей; въ Петербургъ пріѣхалъ въ понедѣльникъ 12 фе-

враля. Знакомыхъ у меня тутъ нѣтъ, почти все время я провелъ въ номерѣ гостиницы и только въ вечеръ пріѣзда прошелся по Невскому; въ Петербургѣ раньше не бывалъ. Въ среду я отправился на пріемъ съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе свой планъ. Передо мной стоялъ городской голова города Чернигова, ходатайствовавшій передъ министромъ объ открытіи въ Черниговѣ реальнаго училища. Я хорошо слышалъ отвѣтъ Боголѣпова: „Вы должны представить мнѣ докладную записку, въ которой необходимо указать, сколько богатыхъ помѣщиковъ живетъ около Чернигова, чтобы я видѣлъ, что реальное училище — потребность состоятельныхъ классовъ, а не той бѣдноты, которая заполняетъ всѣ учебныя заведенія, тогда такъ ей совсѣмъ тамъ не мѣсто“. Этотъ отвѣтъ меня страшно возмутилъ, я дождался такого момента, когда по линіи отъ меня къ Боголѣпову никого не было и, слѣдовательно, я не могъ попасть въ кого-либо другого, и выстрѣлилъ въ Боголѣпова. Когда онъ упалъ, я бросилъ револьверъ и отдалъ себя въ руки сторожей. Стрѣлять я больше не собирался, да и не за чѣмъ было; не понимаю, зачѣмъ

меня затянули веревками и держали въ такомъ видѣ до пріѣзда прокурора Палаты".

Во время этой рѣчи Карповичъ былъ прерываемъ предсѣдателемъ: въ первый разъ при разсказѣ о Хвостовѣ, предсѣдатель замѣтилъ ему, что эпизодъ съ Хвостовымъ не имѣетъ отношенія къ дѣлу. Карповичъ возразилъ, что если хотятъ, чтобы онъ объяснилъ свой поступокъ, то пусть дадутъ ему возможность сказать о томъ, что̀ отразилось на его отношеніи въ Боголѣпову и повліяло на рѣшеніе стрѣлять въ него.

Другой разъ, предсѣдатель задалъ вопросъ о его пребываніи за границей, а въ третій разъ спросилъ, какъ могъ онъ, ради протеста, рѣшиться пролить чужую кровь, совершить такое ужасное преступленіе, какое право онъ имѣлъ судить другого человѣка. На это Карповичъ отвѣтилъ приблизительно такъ: „что̀ передумалъ, пережилъ я раньше, чѣмъ пришелъ къ убѣжденію о необходимоста ѣхать въ Россію и стрѣлять въ Боголѣпова, — я не считаю возможнымъ говорить вамъ". Окончивъ рѣчь, онъ сѣлъ и уже до самаго конца дѣла не произнесъ ни одного слова.

Свидѣтельскія показанія не содержали въ

себѣ ничего интереснаго и лишь подтверждали то, что̀ говорилъ самъ Карповичъ на предварительномъ слѣдствіи. Извозчикъ, привезшій Карповича съ вокзала въ гостиницу, сообщилъ, что сначала былъ нанятъ на уголъ Гороховой и Морской; дорогой Карповичъ заявилъ, что это слишкомъ далеко, и попросилъ свезти его въ какую-либо другую гостинницу поближе. Извозчикъ отвезъ его въ меблированныя комнаты на Казанской улицѣ, домъ № 11; по словамъ извозчика, на Карповичѣ было не то пальто, которое оказалось у него при задержаніи, а другое; Карповичъ это обстоятельство упорно отрицалъ. Служащіе въ гостиницѣ удостовѣрили, что Карповичъ почти все время провелъ у себя въ номерѣ и выходилъ лишь на незначительное время въ день пріѣзда; къ нему никто не приходилъ. Одинъ изъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія показалъ, что Карповичъ имѣлъ совсѣмъ особый видъ: щека его все время подергивалась, руки дрожали, онъ былъ очень блѣденъ; свидѣтель даже подумалъ про себя: „какой больной проситель“. Фразу, которую Карповичъ произнесъ послѣ выстрѣла, всѣ присутствующіе

воспроизводили разно, а общій смыслъ ея: „я сдѣлалъ свое дѣло, больше я никого не трону и не убѣгу“. Свидѣтель начальникъ сыскного отдѣленія Чулицкій объяснилъ, что револьверъ несомнѣнно пріобрѣтенъ за границей; въ С.-Петербургѣ можно найти въ лучшихъ магазинахъ такіе хорошіе револьверы, но здѣсь они имѣются только съ № не свыше 18000; № же револьвера Карповича 24000; точно такъ же и патроны: на коробкѣ, найденной у Карповича, стоитъ цифра 3½; несомнѣнно, это цѣна патроновъ, несомнѣнно это не рубли, а марки или франки.

Экспертъ профессоръ Косоротовъ далъ, заключеніе, что рана, нанесенная Боголѣпову, не можетъ быть отнесена къ разряду смертельныхъ; въ наукѣ судебной медицины такія раны квалифицируютъ какъ тяжкія, но не смертельныя; смерть бываетъ частнымъ послѣдствіемъ такихъ ранъ, но вызывается она не самой раной, а зараженіемъ сосудовъ тѣми элементами, которые сквозь нее проникаютъ въ организмъ.

Изъ акта медицинскаго освидѣтельствованія и протока вскрытія его шеи видно, что пуля находилась въ седьмомъ позвонкѣ;

ее извлекли оттуда совершенно сплющившейся.

Рѣчь обвинителя длилась ровно полчаса, что̀ нельзя не признать совершенно излишнимъ, принимая во вниманіе, что при обсужденіи вопроса, какимъ судомъ — Палатой или военнымъ — судить Карповича, Муравьевъ поручился за высшую мѣру наказанія — 20 лѣтъ каторжныхъ работъ. При такихъ условіяхъ Гредингеръ могъ и не говорить тѣхъ глупостей и пошлостей, которыми была полна его рѣчь. Онъ просилъ судъ не вѣрить Карповичу въ его утвержденіи, что онъ выстрѣлилъ лишь тогда, когда не могъ ранить никого другого; все, что̀ говорилъ Карповичъ на судѣ, — неправда, ибо онъ лично не только не былъ обиженъ Боголѣповымъ, но даже чуть ли не обласканъ и во всякомъ случаѣ облагодѣтельствованъ имъ; когда исключенный изъ Москвы Карповичъ прислалъ Боголѣпову составленную въ рѣзкихъ неприличныхъ выраженіяхъ телеграмму о разрѣшеніи поступить въ Юрьевскій университетъ, министръ немедленно удовлетворилъ его ходатайство и не обратилъ никакого вниманія на тонъ и некорректность телеграммы Кар-

повича. О личной мести не можетъ быть и рѣчи; слѣдовательно, для объясненія поступка Карповича остается одно: передъ вами человѣкъ, жаждущій славы, хотя бы самой худой, человѣкъ честолюбивый, пользующійся всякимъ средствомъ, чтобы нашумѣть, заставить общество говорить о себѣ; передъ вами современный Геростратъ". Установивъ картину происшествія, поговоривъ объ экспертизѣ, обвинитель закончилъ свою рѣчь просьбой примѣнить къ подсудимому высшую мѣру наказанія: убилъ онъ такого хорошаго человѣка, занимавшаго такой видный постъ.

Рѣчь защитника присяжнаго повѣреннаго Турчанинова длилась всего 12 минутъ. Началъ онъ съ заявленія, что не считаетъ нужнымъ говорить, подобно прокурору, о личности убитаго: для дѣла безразлично, каковъ былъ Боголѣповъ, какое мѣсто занималъ онъ: и безъ того все дѣло представлено въ ложномъ освѣщеніи, все освѣщено тѣмъ свѣтомъ, который исходитъ отъ Боголѣпова, какъ отъ министра. Свѣтъ для дѣла нуженъ, но свѣтъ не министра, а единый справедливый, благотворный свѣтъ закона. Онъ проситъ палату руководствоваться только этимъ свѣтомъ, су-

дить Карповича по закону, не карать его выше мѣры сдѣланнаго. Прокуроръ неправильно обрисовалъ Карповича, надѣливъ его такими качествами, противъ какихъ онъ, защитникъ, долженъ протестовать. „Я, — сказалъ Турчаниновъ, — очень давно, съ 1866 г. (Каракозовское дѣло), защищаю, въ политическихъ дѣлахъ; положеніе присяжнаго повѣреннаго, очень скромное само по себѣ, рѣзко измѣняется, когда онъ становится защитникомъ: какъ бы ни было ужасно преступленіе, какъ бы ни смотрѣли на обвиняемаго, какъ бы строго ни охраняли его, — передъ нами, защитниками, растворяются всѣ двери, открываются всѣ запоры, падаютъ всѣ преграды. Мало того, — и это самое важное, — передъ нами, и только передъ нами, раскрываются и души, и сердца обвиняемыхъ. Такъ и теперь: я узналъ Карповича и я не сомнѣваюсь, что передъ вами человѣкъ глубоко идейный, всѣмъ сердцемъ отдавшійся идеѣ, проникнутый ею, рѣшившій жертвовать всѣмъ, даже жизнью, — ради своего убѣжденія, ради того, что̀ онъ считаетъ волезнымъ и необходимымъ. Вы, судьи, знаете, конечно, что съ идеями нельзя бороться ни тюрьмой, ни каторгой,

одно средство только и есть: „противъ идеи нужно выдвинуть только идею, но не наказаніе“.

Закончилъ свою рѣчь защитникъ просьбой назначить Карповичу низшую мѣру наказанія: лишнихъ 5 лѣтъ каторжныхъ работъ имѣютъ громадное значеніе для такого молодого человѣка, какъ Карповичъ.

При постановкѣ Палатой вопросовъ защитникъ просилъ поставить дополнительный вопросъ о нанесеніи раны, неожиданнымъ послѣдствіемъ коей явилась смерть. Палата отклонила это ходатайство. Отъ права послѣдняго слова Карповичъ отказался.

Послѣ получасового совѣщанія Палата вышла. Тутъ разыгралась такая глупая и нелѣпая комедія, которой, вѣроятне, не значиться въ судебныхъ лѣтописяхъ всего міра: предсѣдатель объявилъ, что приговоръ Палаты будетъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ, приказалъ приставу открыть двери. Приставъ исполнилъ приказаніе, двери были открыты; но увы! — ни одинъ человѣкъ не вошелъ, такъ какъ всѣ слѣдующія двери, включительно до воротъ суда на Литейномъ, бдительно охранялись полиціей. Исполнивъ „ве-

лѣніе закона", предсѣдатель прочелъ приговоръ: примѣнили высшую мѣру наказанія, приговорили къ лишенію всѣхъ правъ и къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Карповичъ отнесся къ приговору спокойно. Впечатлѣніе, вынесенное присутствовавшими на дѣлѣ, самое благопріятное для Карповича. Его искренность, простота, сердечность, отсудствіе фразерства тронули даже высшихъ администраторовъ (не тѣхъ только, которые судили).

Подавать жалобу Карповичъ не намѣренъ.

27 марта слушалось дѣло Лаговскаго: онъ приговоренъ къ 6 годамъ каторжныхъ работъ.

Вотъ рѣчь Н. К. Лаговскаго, которую онъ произнесъ передъ судомъ:

Въ объясненіе моего поступка я долженъ сказать слѣдующее: Всѣмъ извѣстно, что Россія раздѣляется на классы правящіе и на классы питающіе. Обязанность классовъ питающихъ служить правящимъ и кормить. Правящіе же классы, вмѣсто платы младшей братіи, вмѣсто того, чтобы учить и развивать ее намѣренно держатъ народъ въ темнотѣ, для него замѣняютъ земскія и министерскія школы церковными, и вмѣсто науки, питаютъ народъ

суевѣріями. Благодаря этому, въ народѣ господствуетъ крайняя бѣдность, неумѣніе помочь себѣ и постоять за себя. Въ виду этого интеллигенція должна прійти на помощь народу и протестовать противъ такого порядка вещей. Я самъ принадлежу къ рабочему классу и на собственной спинѣ испыталъ всю несправедливость существующаго строя. Главные виновники господствующаго строя — аристократія, чиновничество и крупные капиталисты.

Побѣдоносцевъ одинъ изъ вреднѣйшихъ представителей бюрократіи. Благодаря ему, былъ отлученъ отъ церкви Л. Н. Толстой. Легальнаго способа протеста противъ совершающихся безобразій у насъ нѣтъ, почему я избралъ, господа судьи, извѣстную вамъ форму протеста. Убѣжденіе это не мое только личное, а всѣхъ людей, которые желаютъ служить народу и съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться.

Для осуществленія моего замысла я пріѣхалъ изъ Самары въ Петербургъ, взявъ официальный отпускъ для лѣченія въ Казань. Здѣсь въ Петербургѣ я провелъ 4 дня, выслѣживая Побѣдоносцева. Я поджидалъ его на

похоронахъ Боголѣпова, поджидалъ у Синода, но онъ никуда не явился. 4 дня я скитался по Петербургу, ни съ кѣмъ не видался, не имѣя пристанища, ночуя на вокзалахъ. Деньги, которыя были со мной, я истратилъ, такъ что мнѣ пришлось даже заложить пиджакъ. Дойдя до полнаго́ нервнаго и физическаго истощенія, я боялся, что мнѣ не удастся привести въ исполненіе мой замыселъ, — именно вслѣдствіе физическаго истощенія. Поэтому, не найдя болѣе удобнаго случая, я поспѣшилъ выстрѣлить ночью въ окно комнаты, гдѣ занимался Побѣдоносцевъ.

IV.

Общественные протесты и петиціи.

Русское общество въ лицѣ привиллегированнаго либеральнаго сословія отозвалось на всѣ эти происшестія и подняло свой голосъ противъ беззаконнія и полицейскаго произвола. Открытые протесты и петиціи со стороны общества имѣютъ крупное политическое значеніе и постоянно являются предвѣстниками политическаго переворота.

Что и въ самыхъ высшихъ сферахъ русскаго общества чувствуется недовольство существующими порядками, доказывается случаемъ съ княземъ Вяземскимъ. Членъ Государственнаго Совѣта князь Вяземскій въ день побоища 4-го марта передъ Казанскимъ соборомъ находился какъ-разъ въ этой церкви.

Увидѣвъ при выходѣ весь ужасъ происходящаго, онъ обратился прямо къ градоначальнику, генералу Клейгельсу, указавъ на неподобающее поведеніе его подчиненныхъ. Между ними произошелъ крупный разговоръ. Генералъ Клейгельсъ просилъ князя не вмѣшиваться въ его дѣла. Послѣдній обратился съ жалобой къ министру внутреннихъ дѣлъ, который предоставилъ ее царю. Царь сдѣлалъ Вяземскому оффиціальный выговоръ. Въ Правительственномъ Вѣстникѣ появилось слѣдующіе сообщеніе: „Государь Императоръ объявляетъ строгій выговоръ члену Государственнаго Совѣта генералъ-лейтенанту князю Вяземскому за вмѣшательство въ дѣйствія полиціи при прекращеніи уличныхъ безпорядковъ“.

Первый открытый протестъ противъ полицейскаго произвола въ Петербургѣ опубликовали русскіе литераторы. За подписью лучшихъ русскихъ публицистовъ и беллетристовъ въ заграничныхъ газетахъ было опубликовано слѣдующее письмо:

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

Сегодня 4-го марта въ Петербургѣ около Казанскаго собора на глазахъ многотысячной толпы было произведено систематическое и, очевидно, заранѣе предрѣшенное и обдуманное избіеніе беззащитныхъ людей. Казаки, окруживъ безоружную толпу и лишивъ ее возможности разойтись, безъ всякаго предупрежденія, врѣзались въ нее, топтали ее лошадьми и увѣчили нагайками. Полицейскіе вырывали отдѣльныхъ лицъ и, наваливаясь по нѣскольку человѣкъ на одного, нещадно били ихъ кулаками и нагайками. Избитыя и въ конецъ обезсиленныя женщины, сами выходившія къ полиціи, подхватывались ею и тутъ же, на площади, предавались дальнѣйшему избіенію. Били лежачихъ, били до потери сознанія, били, быть можетъ, до смерти. Это не слухи, неизвѣстно откуда идущіе, это факты, которыхъ многіе изъ насъ были очевидцами. Публику, умолявшую прекратить избіеніе, гнали прочь, и даже офицеровъ тащили за шиворотъ. Тѣ изъ насъ, которые

просили прекратить побоище, были избиты или задержаны.

Мы полны негодованія передъ подобными звѣрствами, имѣвшими недавно мѣсто, какъ намъ извѣстно, и въ другихъ городахъ.

Мы полны ужаса передъ будущимъ, которое ожидаетъ страну, отданную въ полное распоряженіе кулакамъ и нагайкамъ.

Наше негодованіе и нашъ ужасъ, мы увѣрены, раздѣляютъ наши собратія по перу, которыхъ нѣтъ сейчасъ среди насъ, раздѣляетъ вся мыслящая часть русскаго общества, раздѣляютъ всѣ, въ комъ не окончательно еще подавлено чувство человѣческаго достоинства и любви къ ближнему. Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременнымъ разъясненіемъ нуждъ нашей родины, предотвращать подобныя событія; мы лишены возможности словомъ продуманнаго убѣжденія освѣтить выходъ изъ настоящаго труднаго положенія; мы лишены возможности выполнить весь лежащій на насъ долгъ передъ родиной.

Мы дѣлаемъ попытку хотя бы огласить факты.

На этотъ протестъ русское правительство

отвѣтило слѣдующимъ распоряженіемъ, опубликованнымъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ:

На основаніи 2-ой части статьи 42 устава Союза взаимопомощи русскихъ писателей при Русскомъ литературномъ обществѣ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, 12 сего марта, сдѣлано распоряженіе о закрытіи этого союза.

Цѣлый рядъ ученыхъ, литераторовъ, профессоровъ и представителей свободныхъ профессій послали за своими подписями слѣдующее письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ:

Его Высокопревосходительству,

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Глубоко потрясенные тѣми событіями, которыя только-что произошли въ Петербургѣ, мы рѣшаемся обратиться къ Вашему Высокопревосходительству со слѣдующимъ заявленіемъ.

Волненія учащейся молодежи давно уже перестали быть у насъ чѣмъ-то случайнымъ и рѣдкимъ. Они давно превратились въ періодическое явленіе и изъ года въ годъ повторяются все чаще и чаще и принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Каждый разъ эти волненія подавляются строгими мѣрами и тѣмъ

не менѣе черезъ короткіе промежутки времени они вспыхиваютъ снова. Очевидно, объобъясненія ихъ нельзя искать въ какихъ-нибудь посторонних вліяніяхъ или случайныхъ обстоятельствахъ. Причина этихъ постоянныхъ волненій лежитъ гораздо глубже. Она заключается въ ненормальности общихъ условій жизни, созданныхъ для русской учащейся молодежи. Всякая попытка молодежи къ единенію между собою, не укладывающаяся въ тѣсныя рамки офиціально утвержденныхъ кружковъ, вызываетъ подозрѣнія и преслѣдованія. Каждая попытка учащихся обратить вниманіе правительства на недостатки существующаго порядка учебныхъ заведеній, въ какія бы мирныя формы она ни была облечена, разсматривается какъ преступленіе и влечетъ за собою кары. Наряду съ этимъ массовыя насилія полиціи надъ молодежью не вызываютъ ни суда, ни наказанія. Достаточно напомнить факты избіенія студентовъ въ 1895 г. на Невскомъ проспектѣ и 8 февраля 1899 г. на Васильевскомъ островѣ. Общество лишено возможности высказать свое мнѣніе въ вопросахъ, касающихся быта высшимъ учебныхъ заведеній. Печать, которая могла бы освѣ-

тить недостатки существующаго порядка и указать путь къ ихъ устраненію, вынуждена молчать. Профессора, лишенные возможности высказать свое мнѣніе, лишены, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторитета среди учащейся молодежи. При такихъ условіяхъ нѣтъ мѣста нормальной жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. За послѣдніе годы они переживаютъ тяжелый и болѣзненный кризисъ. Все дѣло научнаго преподаванія въ нихъ до крайности затруднено, среди молодежи идетъ непрерывное броженіе, какъ нельзя больше, конечно, мѣшающее ея научнымъ занятіямъ. Предоставленная исключительно самой себѣ, не видя ни откуда помощи и защиты, она облекаетъ свой протестъ, за неимѣніемъ легальныхъ формъ, въ нелегальныя. Правительство, стремясь подавить этотъ протестъ исключительно мѣрами строгости, пришло къ изданію „временныхъ правилъ“ 29 іюля 1899 г. Въ отмѣну общихъ законовъ эти правила установили для студентовъ особый судъ и особую кару въ видѣ отдачи въ солдаты, распространили отбываніе воинской повинности на лицъ, по болѣзни или семейному положенію освобожденныхъ отъ нея закономъ; наконецъ, дозволили от-

дачу въ солдаты лицъ, не достигшихъ призывного возраста.

Событія послѣднихъ дней показали, къ чему можетъ вести, примѣненіе этихъ „правилъ“ на практикѣ. Но эти же событія показали и другое: что кары, обрушившіяся на учащуюся молодежь, могутъ итти еще далѣе и принимать еще болѣе жестокій характеръ.

Въ послѣдніе дни на улицахъ Петербурга полиціей и войсками было произведено жестокое избіеніе учащейся молодежи и публики. Правда, „Правительственное сообщеніе“, основанное на донесеніяхъ мѣстныхъ властей, находитъ, что дѣйствія полиціи были вызваны необходимостью и не заключали въ себѣ ничего особеннаго, но эти донесенія мѣстныхъ властей не согласны съ истиной.

Въ 12 часовъ дня 4-го марта на площади Казанскаго собора собралась толпа, тысячи въ 2—3 человѣкъ, состоявшая по преимуществу изъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Кто-то изъ толпы прочиталъ какое-то воззваніе, затѣмъ были сдѣланы попытки поднять флагъ съ надписью „отмѣна временныхъ правилъ“. Въ этомъ состояла вся демонстрація. Полиція не

приняла никакихъ мѣръ къ ея предупрежденію, и толпа до 12 часовъ сходилась вполнѣ безпрепятственно. Однако полиція знала несомнѣнно заранѣе о готовящейся демонстраціи. Въ сосѣднихъ съ Казанскимъ соборомъ мѣстностяхъ были собраны и спрятаны сотни пѣшихъ и конныхъ казаковъ и городовыхъ. Въ 12 часовъ безъ категорически предписаннаго закономъ предупрежденія и обращенія къ толпѣ съ требованіемъ разойтись, — на площадь ринулись полицейскіе и казаки, и началось звѣрское избіеніе. Полиціи и казаковъ было собрано такое громадное количество, что они едва ли многимъ уступали въ численности демонстрантамъ и, слѣдовательно, имѣли полную возможность возстановить порядокъ, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ. Но участниковъ демонстраціи даже не разгоняли, но просто били. Казаки врывались въ толпу и работали нагайками направо и налѣво. Полицейскіе вытаскивали изъ толпы отдѣльныхъ лицъ и принимались нещадно бить ихъ. Били нагайками, шашками, кулаками; били мужчинъ и женщинъ, топтали ногами падавшихъ, били до того, что избиваемые лишались чувствъ. Нѣкорые изъ сту-

дентовъ пытались защищаться калошами и снѣжками; наконецъ, доведенные, до отчаянія, оборонялись чѣмъ попало: палками, желѣзными прутьями, взятыми отъ ковровъ съ паперти, но все это лишь усиливало избіеніе. Свидѣтелемъ этихъ сценъ была громадная толпа публики, стоявшая около оцѣпленной казаками площади. Напрасно эта публика молила полицейскихъ прекратить безцѣльное и жестокое побоище. Результатомъ такихъ просьбъ было лишь то, что избіеніямъ и арестамъ подверглась и часть публики, не участвовавшей въ демонстраціи. Среди избитыхъ есть извѣстные писатели, вся вина которыхъ въ томъ, что они просили полицію прекратить побоище, отнимали избиваемыхъ или пытались успокоить студентовъ. Среди свидѣтелей этихъ сценъ были высокопоставленныя лица. По донесеніямъ мѣстныхъ властей всего арестовано 760 человѣкъ, и изъ нихъ получили удары и пораненія, потребовавшія медицинской помощи, — 18 мужчинъ и 14 женщинъ, тогда какъ полицейскихъ и казаковъ ранено 26 человѣкъ. Насколько можно вѣрить донесеніямъ, исходящимъ отъ тѣхъ же лицъ, которыя распоряжались побоищемъ,

видно уже изъ того, что въ одномъ Литовскомъ замкѣ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, 5-го марта было около 100 пострадавшихъ, нуждавшихся въ медицинской помощи. Несомнѣнно, много раненныхъ разошлось по домамъ. Наконецъ, едва ли можна повѣрить и тому, что вооруженная сила, напавшая на безоружную и состоявшую на половину изъ женщинъ толпу, понесла столько же потерь, какъ и эта толпа. Слухъ о событіи 4-го марта несомнѣнно вызоветъ глубокое негодованіе въ Петербургѣ. Кому нужно было это безцѣльное избіеніе людей на улицахъ столицы? Кто были виновниками этого звѣрскаго избіенія молодежи? Возмущенная общественная совѣсть ждетъ отвѣта на эти вопросы. Люди, сознающіе свой гражданскій долгъ, не могутъ молчать. Мы сознаемъ этотъ долгъ и заявляемъ, что только отмѣна „временныхъ правилъ“ устранитъ ближайшую причину теперешихъ студенческихъ волненій. Только судъ надъ виновными въ избіеніи 4-го марта, кто бы ни были эти виновные, успокоитъ возмущенную общественную совѣсть.

Профессоръ П. Н. Милюковъ составилъ

слѣдующій проектъ петиціи на высочайшее имя, за который онъ былъ арестованъ:

Ваше Императорское Величество,

Мы, нижеподписавшіеся, вѣрноподданные Ваши, считаемъ своимъ патріотическимъ долгомъ обратиться къ Вамъ, Государь, съ настоящимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ по поводу послѣднихъ студенческихъ волненій. Мы рѣшили здѣсь выразить то, что давно наболѣло въ душѣ каждаго живущаго сознательной жизнью русскаго человѣка.

Студенческія волненія, періодически повторяющіяся въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, подорвали и выбили изъ строя тысячи молодыхъ людей, исполненныхъ пламеннаго стремленія къ добру и счастью родной страны.

Было бы несомнѣнно несправедливо всю отвѣтственность за эти безпорядки возлагать на самихъ студентовъ. Причины этого явленія лежатъ гораздо глубже. Онѣ связаны со многими общими условіями нашей государственной и общественной жизни, ближайшимъ же образомъ коренятся въ неустройствѣ самой академической среды. Эти неустройства были выяснены два года тому назадъ назна-

ченной по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества комиссіею. Но труды этой комиссіи на практикѣ не получили того значенія, на которое можно было, повидимому, разсчитывать. Общественное мнѣніе не было допущено къ ихъ обсужденію ни путемъ печати, ни какимъ-либо инымъ способомъ. Дѣло пошло канцелярскимъ порядкомъ и поступило въ министерство народнаго просвѣщенія, въ рукахъ котораго великодушныя намѣренія В. И. В. не только были обезцвѣчены, но и лишены реальнаго значенія. Вмѣсто того, чтобы принять къ точному исполненію указаніе Ваше на необходимость болѣе близкаго и вліятельнаго общенія со студентами профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, министерство уволило тѣхъ изъ нихъ, которые по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей преданности дѣлу дѣйствительно могли оказать на студентовъ глубокое нравственное вліяніе.

Принимавшіе участіе въ безпорядкахъ студенты, которые должны были бы быть успокоены мѣрами нравственнаго воздѣйствія на нихъ, были исключены изъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а для

охраны внутренняго порядка и усиленія надзора за остальными увеличенъ численный составъ инспекціи, т. е. университетской полиціи.

Временныя правила 29 іюля 1899 г. для предупрежденія новыхъ волненій выставили угрозу отдачи волнующихся студентовъ въ солдаты. Эта мѣра, теперь уже примѣненная на дѣлѣ, можетъ, конечно, подавить движеніе, по крайней мѣрѣ, на время. Но нельзя упускать изъ виду нравственнаго значенія этой мѣры; она подавляетъ, но не разубѣждаетъ; при ея помощи горячія головы, одушевленныя благородными стремленіями и чувствами, выбиваются изъ строя, а родители ихъ внезапно теряютъ иногда годами возлагавшіяся на нихъ надежды, а на остальныхъ она дѣйствуетъ, какъ вообще можетъ дѣйствовать страхъ и опасеніе за свое будущее. Она ихъ пригнетаетъ, заглушаетъ въ нихъ всѣ болѣе высокія, идейныя побужденія и способствуетъ окончательному подчиненію наиболѣе слабыхъ изъ нихъ и безъ того господствующимъ въ нашей повседневной жизни мелкимъ эгоистическимъ стремленіямъ.

Воспитывать при помощи такихъ мѣръ цѣ-

лое поколѣніе — это значитъ создавать и поддерживать ту гнетущую атмосферу народной жизни, которая можетъ вести въ концѣ концовъ только къ упадку и разложенію.

Тяжесть этой атмосферы чувствуется не одной молодежью, но и болѣе зрѣлыми поколѣніями. Нормально ли, чтобы въ самодержавномъ государствѣ голосъ вѣрноподданныхъ не доходилъ до Государя? А между тѣмъ въ настоящее время даже подписаніе этого всеподданнѣйшаго прошенія является въ глазахъ многихъ чуть ли не актомъ особаго гражданскаго мужества. Для того, чтобы лояльно и честно заявить своему Государю о своихъ нуждахъ и завѣтныхъ желаніяхъ, подданнымъ Вашимъ приходится дѣйствовать негласно и съ опасеніемъ, что полиція перехватитъ прошеніе ранѣе, нежели оно дойдетъ до Вашихъ рукъ. Многіе, вполнѣ сочувствующіе всему здѣсь высказанному, не рѣшаться подписать это прошеніе, опасаясь неблагопріятныхъ для себя послѣдствій.

При этихъ условіяхъ всякому живому и сознательному человѣку жизнь начинаетъ казаться несносной, повсюду распространяется гибельная апатія, интересъ къ общественной

дѣятельности изсякаетъ, и во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни замѣтно чувствуется недостатокъ людей.

Положите же, Государь, великодушнымъ починомъ конецъ этому тяжелому состоянію; окажите вѣрноподданнымъ Вашимъ довѣріе и, прекративъ репрессію, дайте свободно высказаться заглушаемому теперь голосу общественнаго мнѣнія.

Студенческія волненія прекратятся сами собой, и студенты спокойно обратятся къ научнымъ занятіямъ, когда ихъ юныя души перестанетъ смущать окружающая ихъ безнадежная жизнь, когда передъ ними встанетъ перспектива принять, по выходѣ изъ высшей школы, дѣятельное, свободное и плодотворное участіе въ дѣлахъ родной страны.

* * *

Событія въ Россіи вызвали большой интересъ и сочувствіе въ западной Европѣ.

Во Франціи во главѣ движенія въ пользу русскихъ студентовъ сталъ профессоръ Лапикъ. Въ Парижѣ состоялись собранія, на которыхъ присутствовало много профессоровъ и студентовъ. Были прочитаны доклады о томъ,

что дѣлается въ Россіи, и единодушно вотированы резолюціи, порицающія правительство и сочувственныя студентамъ.

Въ Австріи, Италіи, Бельгіи и Швейцаріи тоже были собранія и тоже съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказано было сочувствіе русскимъ борцамъ и негодованіе по поводу поведенія русскаго правительства. Римскіе и туринскіе студенты послали телеграммы своимъ русскимъ товарищамъ. Въ Прагѣ готовилась большая демонстрація для выраженія протеста противъ злодѣяній русскаго правительства, но мѣстныя власти запретили ее.

Въ Англіи секретарь Общества друзей русской свободы получилъ сочувственныя письма отъ студентовъ и студентокъ нѣсколькихъ университетовъ. Вотъ одно изъ этихъ писемъ.

New-College, Hampstead, London, N.W.

23 марта 1901.

М. Г.

Честь имѣю извѣстить Васъ, что по предложенію секретаря и кассира нашего студен-

ческаго общества вчера была единогласно принята нижеслѣдующая резолюція:

„Мы, студенты Нью-Колледжа, выслушавъ съ прискорбіемъ и негодованіемъ сообщеніе о принудительной отдачѣ въ солдаты студентовъ Кіевскаго и Петербургскаго университетовъ, выражаемъ свое сочувствіе людямъ, мужественно отстаивающимъ свободу умственнаго развитія.

Наши отцы страдали, чтобы добыть эту свободу для насъ, и потому мы горячо и съ востóргомъ привѣтствуемъ починъ русскихъ студентовъ, надѣясь, что они скоро добьются и для себя той свободы, которой мы уже пользуемся".

Съ истиннымъ почтеніемъ

Г. Г. Кюбиттъ, секретарь студ.

40 англійскихъ профессоровъ университетовъ, колледжей и другихъ учебныхъ заведеній Великобританіи и Ирландіи выразили также свой рѣшительный протестъ противъ расправы русскихъ властей со студентами.

1-го же мая, въ день всемірнаго рабочаго

праздника, на всѣхъ собраніяхъ рабочихъ во всей Европѣ былъ выраженъ массовой протестъ организованныхъ рабочихъ противъ русскаго абсолютизма и посланы горячія симпатіи русскимъ борцамъ за свободу и за лучшее будущее.

V.

Участіе Л. Н. Толстого въ послѣднихъ событіяхъ.

Левъ Николаевичъ Толстой въ послѣднихъ событіяхъ игралъ очень видную роль. Отлученіе Л. Н. Толстого отъ церкви было обнародовано въ дни московскихъ манифестацій, такъ что общественное мнѣніе было занято этимъ правительственнымъ признаніемъ своей безпомощности въ такой же степени, какъ и послѣдовавшими волненіями. Когда Л. Н. Толстой показался во время манифестаціи въ Москвѣ среди публики, онъ сталъ предметомъ восторженныхъ овацій.

Вотъ выдержки одного письма очевидца къ В. Черткову, напечатаннаго въ № 23 листковъ свободнаго слова: Я вышелъ изъ дому въ полдень, чтобы итти въ Хамовники. Моховая уже была запружена

народомъ . . . Л. Н. посмѣивался надъ синодскимъ посланіемъ, говоря, что его оцѣниваютъ по заслугамъ; что даже какъ-то странно думать, что съ одной стороны могущественное государственное учрежденіе съ почтенными старцами въ бриллантовыхъ митрахъ во главѣ, а съ другой — отставной артиллеріи поручикъ, съ которымъ они такъ торжественно вступаютъ въ борьбу.

Часу въ 3-емъ я пошелъ съ нимъ на Мясницкую въ Милютинскій переулокъ. Около университета его узнавали, кланялись ему очень почтительно; стала набираться куча людей, которая пошла за нимъ, вырастая съ каждымъ шагомъ все больше и больше. Какая-то дама маленькая въ волненіи побѣжала къ нему въ Охотномъ ряду и заявила, что она хочетъ съ нимъ говорить, и пошла съ нимъ рядомъ, жалуясь на то, что „студентовъ бьютъ нагайками", преувеличивая, кажется, грубое поведеніе полиціи и спрашивая, „что же дѣлать?" Л. Н. очень ласково и добро успокаивалъ ее.

Такъ перешли Театральную площадь въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Въ проѣздѣ къ Лубянской площади народу

стало больше, а когда мы пришли на площадь, то она была буквально запружена народомъ. Мы затерялись въ толпѣ и спокойно вышли; на Мясницкой нѣсколько человѣкъ узнали Л. Н. и пошли за нимъ.

Въ началѣ площади кто-то изъ толпы, иронируя, какъ я думаю, надъ синодскимъ постановленіемъ, довольно громко сказалъ: „вотъ дьяволъ въ человѣческомъ образѣ". Эти слова послужили какъ бы сигналомъ; раздались крики: „ура! Толстой! да здравствуетъ Левъ Николаевичъ Толстой!" Какой-то, студентъ выскочилъ впередъ и заоралъ на всю площадь: „коллеги, сюда, Левъ Николаевичъ Толстой здѣсь!" И тутъ началось нѣчто невообразимое: вся эта многочисленная громада людей, покрывавшая площадь, хлынула и потекла къ нему, какъ къ центру, крича, махая шапками, забѣгая впередъ. Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Уйдемте куда-нибудь". Но куда было уйти отъ этой лавины, катившейся кругомъ и сзади его. Я увидалъ на углу около Лубянскаго пассажа извозчика, сталъ его звать, чтобы скорѣе уѣхать, но онъ при видѣ этого людского потока умчался безъ оглядки. Такъ мы почты бѣжали до

Малаго Театра, а сзади, съ боковъ и спереди, какъ возъ гороху, просыпаннаго на горѣ, катилась многочисленная толпа; извозчики при видѣ ея улепетывали, не подпуская насъ на сто шаговъ. На углу у Малаго Театра, уже на Неглинной, мы успѣли вскочить на извозчика, но тутъ же сани облѣпили студенты, становясь сзади на полозья, хватаясь съ боку за полость, за извозчика; я попросилъ ихъ отпустить насъ, они сейчасъ же соскочили, извозчикъ кинулся вскачь, толпа ринулась бѣгомъ за санями съ криками и маханіемъ шапокъ. Отъ угла съ Кузнецкаго моста на крики галопомъ выскочилъ взводъ жандармовъ. Офицеръ, повидимому, узналъ Л. Н. и скомандовалъ: „Пропусти и сейчасъ же сомкнись!“ Когда я оглянулся, я увидѣлъ, что вся Неглинная отъ театра до Кузнецкаго моста черна отъ народа, движеніе котораго остановили жандармы.

Эпизодъ этотъ былъ и страшенъ, и трогателенъ. Страшно было то, что, поскользнись Л. Н., его могли бы затоптать надвигающіяся сзади, возбужденныя тысячи людей: и трогательно было то, что люди, если и не большинство, можетъ быть, безсознательно кри-

чавшее „ура Толстой!“ — дали отвѣтъ на гнусную попытку грубыхъ и глупыхъ бурсацкихъ головъ выставить къ позорному столбу человѣка, вмѣщающаго въ себѣ разумъ и совѣсть всего міра людей нашего времени.

Дома Льва Николаевича уже ждала цѣлая куча писемъ и телеграммъ, выражавшихъ сочувствіе ему и негодованіе „смиреннымъ“ лицемѣрамъ. Передъ самымъ обѣдомъ явилась цѣлая депутація дамъ. Ш. называлъ ихъ фамиліи, но ихъ было такъ много, что я не упомнилъ ихъ фамиліи. За обѣдомъ И. И. съ большой радостью заявилъ, что на дворѣ собирается большая толпа студентовъ. Л. Н. попросилъ меня выйти къ нимъ и сказать, что онъ къ нимъ выйдетъ, но очень проситъ ихъ не шумѣть и обойтись безъ „ура“. Кончивъ обѣдъ, Л. Н. одѣлся и вышелъ на дворъ, а за нимъ мы всѣ. На дворѣ стояло человѣкъ 100; тутъ были и студенты, и барышни, и рабочіе. Говорилъ онъ съ ними минутъ 20, все было очень хорошо и спокойно, и чувствовалась та атмосфера уваженія и благоговѣнія къ нему, которая его всегда окружаетъ въ глазахъ порядочныхъ людей. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы вернулись въ ком-

наты, — только-что ушли студенты, явились на дворъ приставъ, 2 околоточныхъ, 11 городовыхъ и были очень изумлены, что никого уже нѣтъ: „И отыде игемонъ со слуги своими, посрамленъ бѣ.“ Съ этого вечера письмамъ, телеграммамъ, корзинамъ цвѣтовъ нѣтъ конца.

Во время общихъ волненій и протестовъ Л. Н. Толстой выказалъ всѣмъ происшествіямъ самое живое вниманіе и самъ принималъ вездѣ активное участіе. Въ комитетъ Союза Писателей Л. Н. Тостой послалъ слѣдующій адресъ:

Съ искреннимъ сочувствіемъ узнали мы о звѣрскихъ поступковъ полиціи 4-го марта и о послѣдовавшемъ затѣмъ отъ Союза Русскихъ Писателей заявленіи. Заявленіе это повлекло за собой закрытіе Союза. Мы думаемъ, что закрытіе это будетъ скорѣе полезно, чѣмъ вредно для тѣхъ цѣлей, которыя дороги русскимъ писателямъ. Закрытіемъ Союза правительство признало себя виноватымъ и, не будучи въ состояніи оправдать свои незаконные и деспотическіе поступки, совершаетъ еще новый актъ насилія, тѣмъ самымъ еще болѣе ослабляя свое вліяніе и

увеличивая нравственное вліяніе борющагося съ нимъ общества. И потому мы отъ всей душу благодаримъ васъ за то, что̀ вы сдѣлали, и надѣемся, что дѣятельность ваша, несмотря на насильственное закрытіе Союза, не ослабнетъ, а окрѣпнетъ и продолжится въ томъ же направленіи свободы и просвѣщенія, въ которыхъ она всегда проявлялась среди лучшихъ русскихъ писателей.

Князю Вяземскому по иниціативѣ Л. Н. Толстого былъ посланъ слѣдующій адресъ, подписанный многими лицами:

Уважаемый князь Леонидъ Дмитріевичъ!

Мужественная, благородная и человѣколюбивая дѣятельность Ваша 4-го марта передъ Казанскимъ соборомъ извѣстна всей Россіи.

Мы надѣемся, что Вы такъ же, какъ и мы, относите выговоръ, полученный Вами отъ Государя за эту дѣятельность, только къ грубости и жестокости тѣхъ людей, которые обманываютъ его. Вы сдѣлали доброе дѣло, и русское общество всегда останется Вамъ благодарнымъ за него.

Вы предпочли отдаться чувству негодованія противъ грубаго насилія и требованіямъ че-

лев'ѣколюбія, а не условнымъ требованіямъ приличія и Вашего положенія, и поступокъ Вашъ вызываетъ всеобщее уваженіе и благодарность, которыя мы и выражаемъ Вамъ этимъ письмомъ.

15-го марта Л. Н. Толстой опубликовалъ свое обращеніе къ царю и его помощникамъ:

Опять убійства, опять уличныя побоища, опять будутъ казни, опять страхъ, должныя обвиненія, угрозы и озлобленіе съ одной стороны, и опять ненависть, желаніе мщенія и готовность жертвы съ другой. Опять всѣ русскіе люди раздѣлились на два враждебные лагеря и совершаютъ и готовятся совершить величайшія преступленія.

Очень можетъ быть, что теперь проявившееся волненіе подавится, хотя можетъ быть и то, что тѣ солдаты, полицейскіе и полковники, на которыхъ возлагаются правительствомъ такія надежды, поймутъ, что то, что̀ ихъ заставляютъ дѣлать, есть величайшее преступленіе братоубійства, и откажутся повиноваться. Но если теперь и подавится волненіе, оно не можетъ заглохнуть, а будетъ

все болѣе и болѣе разгораться въ скрытомъ видѣ и неизбѣжно рано или поздно проявится съ увеличенной силой и произведетъ еще худшія страданія и преступленія.

Зачѣмъ это? Зачѣмъ это, когда такъ легко избавиться отъ этого?

Обращаемся ко всѣмъ вамъ, людямъ, имѣющимъ власть, отъ царя, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, до родныхъ — дядей, братьевъ, близкихъ людей царя, могущихъ вліять на него убѣжденіемъ. Обращаемся къ вамъ не какъ къ врагамъ, а какъ къ братьямъ, неразрывно — хотите ли вы этого или нѣтъ — связаннымъ съ нами такъ, что всякія страданія, которыя мы несемъ, отзываются и на васъ и еще гораздо тяжелѣе, если вы чувствуете, что могли устранить эти страданія и не сдѣлали этого, — сдѣлайте такъ, чтобы положеніе это прекратилось.

Вамъ, или большинству изъ васъ, кажется, что все происходитъ оттого, что среди правильнаго теченія жизни являются какіе-то безпокойные, недовольные люди, мутящіе народъ и нарушающіе это правильное теченіе, что виноваты во всемъ только эти люди, что надо усмирить, обуздать этихъ безпокойныхъ не-

довольныхъ людей, и тогда огять все будетъ хорошо, и измѣнять ничего не надо.

Но вѣдь если бы все дѣло было въ безпокойныхъ и злыхъ людяхъ, то стоило бы только переловить, заключить ихъ въ тюрьмы или казнить, и всѣ волненія окончились бы. Но вотъ уже болѣе 30 лѣтъ ловятъ, заключаютъ, казнятъ, ссылаютъ этихъ людей тысячами, а количество ихъ все увеличивается, и недовольство существующимъ строемъ жизни не только растетъ, но все расширяется и захватило теперь уже милліоны людей рабочаго народа, огромное большинство всего народа. Ясно, что недовольство происходитъ не отъ безпокойныхъ и злыхъ людей, а отъ чего-то другого. И стоитъ только вамъ, правительственнымъ людямъ, на минуту отвести вниманіе отъ той острой борьбы, которой вы сейчасъ заняты, — перестать только наивно думать то, что̀ выражено въ недавнемъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ — что „стоитъ полиціи во-время разгонять толпу и стрѣлять въ нее, если она не расходится, чтобы все было тихо и спокойно“, — стоитъ вамъ только перестать вѣрить этому, чтобы ясно увидать ту причину, которая произво-

дитъ неудовольствіе въ народѣ и выражается волненіями, принимающими все болѣе и болѣе широкіе и глубокіе размѣры.

Причины въ томъ, что, вслѣдствіе несчастнаго, случайнаго убійства царя, который освободилъ народъ, совершеннаго небольшой группой людей, ошибочно воображавшихъ, что они этимъ служатъ всему народу, правительство рѣшило не только не итти впередъ, отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ несвойственныхъ условіямъ жизни деспотическихъ формъ правленія, но напротивъ, вообразивъ себѣ, что спасеніе именно въ этихъ грубыхъ отжившихъ формахъ, въ продолженіе 20-ти лѣтъ не только не идетъ впередъ, соотвѣтственно общему развитію и усложненію жизни, и даже не стоитъ на мѣстѣ, а идетъ назадъ, этимъ обратнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе раздѣляясь съ народомъ и его требованіями.

Такъ что виноваты не злые, безпокойные люди, а вы сами, правители, не хотящіе видѣть ничего, кромѣ своего спокойствія въ настоящую минуту. Дѣло не въ томъ, чтобы вамъ сейчасъ защищаться отъ враговъ, желающихъ вамъ зла, — никто не желаетъ

вамъ зла, — а въ томъ, чтобы, увидавъ причину недовольства общества, устранить ее. Люди всѣ не могутъ желать раздора и вражды, а всегда предпочитаютъ жить въ согласіи и любви съ своими братьями. Если же теперь они волнуются и какъ будто желаютъ вамъ зла, то только потому, что вы представляетесь имъ той преградой, которая лишаетъ не только ихъ, но и милліоны ихъ братьевъ лучшихъ благъ человѣка — свободы и просвѣщенія.

Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на васъ, такъ мало нужно, и это малое такъ нужно для васъ самихъ, такъ очевидно дастъ вамъ успокоеніе, что было бы удивительно, если бы вы не сдѣлали этого.

А сдѣлать нужно сейчасъ только очень мало. Сейчасъ нужно только слѣдующее:

Во-первыхъ — уровнять крестьянъ во всѣхъ ихъ правахъ съ другими гражданами и потому уничтожить —

а) ни съ чѣмъ не связанный, нелѣпый институтъ земскихъ начальниковъ;

б) отмѣнить тѣ особыя правила, которыя

устанавливаются для опредѣленія отношеній рабочихъ къ нанимателямъ;

в) освободить крестьянъ отъ стѣсненія паспортовъ для перехода съ мѣста на мѣсто, а также отъ лежащихъ исключительно на крестьянахъ квартирной, подводной, сельской полицейской повинностей (сотскіе, десятскіе);

г) освободить ихъ отъ несправедливаго обязательства платить по круговой порукѣ долги другихъ людей, а также и отъ выкупныхъ платежей, давно уже покрывшихъ стоимость выкупаемыхъ земель;

и д) главное — уничтожить безсмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самаго трудолюбиваго, нравственнаго и многочисленнаго сословія людей, позорное тѣлесное наказаніе.

Уравненіе крестьянства, составляющаго огромное большинство народа, во всѣхъ правахъ съ другими сословіями особенно важно потому, что не можетъ быть прочно и твердо такое общественное устройство, при которомъ большинство это не пользуется одинаковыми съ другими правами, а находится въ положеніи раба, связаннаго особыми исключительными законами. Только при равноправности

трудящагося большинства со всѣми другими гражданами и освобожденіи его отъ позорныхъ исключеній можетъ быть твердое устройство общества.

Во-вторыхъ — нужно перестать примѣнять такъ называемыя правила усиленной охраны, уничтожающія всѣ существующіе законы и отдающія населеніе во власть очень часто безнравственныхъ, глупыхъ и жестокихъ начальниковъ. Непримѣненіе усиленной охраны важно потому, что эта пріостановка дѣйствія общихъ законовъ развиваетъ доносы, шпіонство, поощряетъ и вызываетъ грубое насиліе, употребляемое часто противъ рабочихъ, входящихъ въ столкновенія съ хозяевами и землевладѣльцами (нигдѣ не употребляются такія жестокія истязанія, какъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ эти правила). Главное же потому, что только благодаря этой страшной мѣрѣ все чаще и чаще стала употребляться вѣрнѣе всего развращающая людей, противная христіанскому духу русскаго народа и непризнанная до этого въ нашемъ законодательствѣ смертная казнь, составляющая величайшее, запрещенное Богомъ и совѣстью человѣка преступленіе.

Въ-третьихъ — нужно уничтожить всѣ преграды къ образованію, воспитанію и преподаванію. Нужно:

а) не дѣлать различія въ доступѣ къ образованію между лицами различныхъ положеній и потому уничтожить всѣ исключительныя для народа запрещенія чтеній, преподаванія и книгъ, почему-то считаемыхъ вредными для народа;

б) разрѣшить доступъ во всѣ школы лицъ всѣхъ національностей и исповѣданій, не исключая и евреевъ, почему-то лишенныхъ этого права;

в) не препятствовать учителямъ вести преподаваніе въ школахъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорятъ дѣти, посѣщающія школу;

главное г) разрѣшить устройство и веденіе всякаго рода частныхъ школъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, всѣмъ людямъ, желающимъ заниматься педагогической дѣятельностью.

Освобожденіе образованія, воспитанія и преподаванія отъ тѣхъ стѣсненій, въ которыхъ они находятся теперь, важно потому, что только эти стѣсненія мѣшаютъ рабочему народу избавиться отъ того самаго невѣжества,

которое служитъ теперь для правительства главнымъ доводомъ для примѣненія къ народу этихъ самыхъ стѣсненій. Освобожденіе отъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло образованія рабочаго народа дало бы возможность народу усвоить несравненно болѣе быстро и цѣлесообразно всѣ тѣ знанія, которыя нужны ему, а не тѣ, которыя навязываются ему. Разрѣшеніе же открытія и веденія школъ частными лицами уничтожило бы постоянно возникающія волненія среди учащейся молодежи, недовольной порядками заведеній, въ которыхъ она находится. Если бы не было препятствій къ устройству свободныхъ частныхъ школъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ, молодые люди, недовольные порядками правительственныхъ учебныхъ заведеній, переходили бы въ тѣ частныя учрежденія, которыя отвѣчали бы ихъ требованіямъ.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, и самое важное, нужно уничтожить всѣ стѣсненія религіозной свободы. Нужно

а) уничтожить всѣ тѣ законы, по которымъ всякое отступленіе отъ признанной правительствомъ церкви карается какъ преступленіе;

б) разрѣшить открытіе и устройство старообрядческихъ часовенъ, церквей, молитвенныхъ домовъ баптистовъ, молоканъ, штундистовъ и др.;

в) разрѣшить религіозныя собранія и религіозныя проповѣди всѣхъ исповѣданій;

г) не препятствовать людямъ различныхъ исповѣданій воспитывать людей въ той вѣрѣ, которую они считаютъ истинной.

Сдѣлать это необходимо потому, что не гороря уже о той выработанной исторіей и наукой и признанной всѣмъ міромъ истинѣ, что религіозныя гоненія не только не достигаютъ своей цѣли, но производятъ обратное дѣйствіе, усиливая то, что̀ они хотятъ уничтожить, не говоря и о томъ, что только вмѣшательство власти въ дѣла вѣры производитъ вреднѣйшій и потому худшій, такъ сильно обличаемый Христомъ порокъ лицемѣрія, не говоря уже объ этомъ, вмѣшательство власти въ дѣла вѣры препятствуетъ достиженію высшаго блага какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всѣхъ людей — единенія ихъ между собою. Единеніе же достигается никакъ не насильственнымъ и невозможнымъ удержаніемъ всѣхъ людей въ разъ усвоенномъ внѣш-

немъ исповѣданіи одного религіознаго ученія, которому приписывается непогрѣшимость, а только свободнымъ движеніемъ всего человѣчества въ приближеніи къ единой истинѣ, которая поэтому одна и можетъ соединить людей.

Таковы самыя скромныя и легко исполнимыя желанія, какъ мы думаемъ, огромнаго большинства русскаго общества. Примѣненіе этихъ мѣръ несомнѣнно успокоитъ общество и избавитъ его отъ тѣхъ страшныхъ страданій и (то, что хуже страданій), преступленій, которыя неизбѣжно совершатся съ обѣихъ сторонъ, если правительство будетъ заботиться только о подавленіи волненій, оставляя нетронутыми ихъ причины.

Обращаемся ко всѣмъ вамъ, — царю, министрамъ, членамъ государственнаго совѣта и совѣтчикамъ и близкимъ къ царю, — вообще ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ власть, помогите успокоенію общества и избавленію его отъ страданій и преступленія. Обращаемся къ вамъ, не какъ къ людямъ другого лагеря, а какъ къ невольнымъ единомышленникамъ, сотоварищамъ нашимъ и братьямъ.

Не можетъ быть того, чтобы въ обществѣ

людей, связанныхъ между собой, было бы хорошо однимъ, а другимъ — худо. Въ особенности же не можетъ этого быть, если худо большинству. Хорошо же всѣмъ можетъ быть только тогда, когда хорошо самому сильному, трудящемуся большинству, на которомъ держится все общество.

Помогите же улучшить положеніе этого большинства, и — въ самомъ главномъ: въ его свободѣ и просвѣщеніи. Только тогда и ваше положеніе будетъ спокойно и истинно хорошо.

Писалъ это Левъ Толстой и, писавши, старался изложить не свое мнѣніе, а мнѣніе многихъ лучшихъ, безкорыстныхъ, разумныхъ и добрыхъ людей, желающихъ того же.

* * *

4-го апрѣля Л. Н. Толстой обнародовалъ свой отвѣтъ на опредѣленіе святѣйшаго синода относительно отлученія его отъ церкви.

Опредѣленіе святѣйшаго синода гласитъ слѣдующимъ образомъ:

Отъ 20—22-го февраля 1901 года № 557, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ православныя грекороссійск. церкви о графѣ Львѣ Толстомъ.

Святѣйшій Сѵнодъ въ своемъ попеченіи о чадахъ православной Церкви, объ охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противоцерковномъ лжеученіи, призналъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать, чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, нижеслѣдующее свое посланіе:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Сѵнодъ вѣрнымъ чадамъ православныя каѳолическія грекороссійскія Церкви

о Господѣ радоватися.

„Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же научистеся, и уклонитеся отъ нихъ“ (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы

и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть церкви святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно передъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій противныхъ Христу и церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеской, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ

разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живаго Бога, во святой церкви славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа — Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и

намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію православною. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею церковію къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ, остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ церкви и отъ всякаго общенія съ нею.

Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим., 2, 25). Молимтеся, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиренный Ѳеогностъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Смиренный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій.

Смиренный Іеронимъ, архіепископъ холмскій и варшавскій.

Смиренный Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій.

Смиренный Маркеллъ, епископъ.

Смиренный Борисъ, епископъ.

Графиня С. А. Толстая послала въ отвѣтъ на отлученіе слѣдующее письмо:

Письмо графини Софіи Андреевны Толстой къ оберъ-прокурору Синода и митрополитамъ

по поводу опредѣленія Синода объ отлученіи отъ церкви Льва Николаевича Толстого.

Прочитавъ въ газетахъ жестокое опредѣленіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего графа Льва Николаевича Толстого съ подписями пастырей церкви, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ.

И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божіе.

Жизнь души человѣческой съ религіозной точки зрѣнія — никому не вѣдома и, къ счастью, — неподвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, — которая создана Христомъ для благословленія именемъ Божіимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, радостей и горестей людскихъ..., которая должна громко провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, — съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо опредѣленіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Московскихъ Вѣдомостей"), а негодованіе въ людяхъ и бо̀льшую любовь и сочувствіе ко Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія, и имъ не будетъ конца со всѣхъ сторонъ міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секрет-

номъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти. Кого же хотятъ наказывать? Умершаго, ничего не чувствующаго уже человѣка, или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду — или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго можно подкупить большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви. Если же признать церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушать высшій законъ любви Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, — ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви — не заблудившіеся, ищущіе истины люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого

вѣрнѣе проститъ Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ отъ церкви — пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами — легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей — никого не обманетъ.

Графиня Софія Толстая.

26 февраля 1901 года.
Москва, Хамовническій переул. 21.

Л. Н. Толстой опубликовалъ слѣдующій знаменательный отвѣтъ:

ОТВѢТЪ

на опредѣленіе синода отъ 20—22 февраля и полученныя мною по этому случаю письма.

„He who begins by loving Christianity better than Truth will proceed by loving his own Sect or Church better than Christianity, and end in loving himself better than all.

Coleridge.

Я не хотѣлъ сначала отвѣчать на постановленіе обо мнѣ синода, но постановленіе

это вызвало очень много писемъ, въ которыхъ неизвѣстные мнѣ корреспонденты — одни бранятъ меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другіе увѣщеваютъ меня повѣрить въ то, во что̀ я не переставалъ вѣрить, и третьи выражаютъ со мной единомысліе, которое едва ли въ дѣйствительности существуетъ, и сочувствіе, на которое я едва ли имѣю право; и я рѣшилъ отвѣтить и на самое постановленіе, указавъ на то, что въ немъ несправедливо, и на обращенія ко мнѣ моихъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ.

Постановленіе синода вообще имѣетъ много недостатковъ. Оно незаконно, или же умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кромѣ того, содержитъ къ себѣ клевету и подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ.

Оно незаконно, или умышленно двусмысленно — потому, что если оно хочетъ быть отлученіемъ отъ церкви, то оно не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе; если же это есть заявленіе о томъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ церковь и ея догматы, не принадлежитъ къ ней, то это

само собой разумѣется, и такое заявленіе не можетъ имѣть никакой другой цѣли, какъ только ту, чтобы, не будучи въ сущности отлученіемъ, оно бы казалось таковымъ, что̀ собственно и случилось, потому что оно такъ и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняетъ одного меня въ невѣріи во всѣ пункты, выписанные въ постановленіи, тогда какъ не только многіе, но почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе и безпрестанно выражали и выражаютъ его и въ разговорахъ, и въ чтеніи, и въ брошюрахъ и книгахъ.

Оно неосновательно потому, что главнымъ поводомъ его появленія выставляется большое распространеніе моего совращающаго людей лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣляющихъ мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе синода, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ мною писано о религіи, какъ это видно изъ получаемыхъ мною писемъ.

Оно содержитъ въ себѣ явную неправду,

такъ какъ въ немъ сказано, что со стороны церкви были сдѣланы относительно меня не увѣнчавшіяся успѣхомъ попытки вразумленія. Ничего подобнаго никогда не было.

Оно представляетъ изъ себя то, что̀ на юридическомъ языкѣ называется клеветой, такъ какъ въ немъ заключаются завѣдомо несправедливыя, клонящіяся къ моему вреду утвержденія.

Оно есть, наконецъ, подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ, такъ какъ вызвало, какъ и должно было ожидать, въ людяхъ непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ озлобленіе и ненависть ко мнѣ, доходящія до угрозъ убійства, и высказываемыя въ получаемыхъ мною письмахъ: „Теперь ты преданъ анаѳемѣ и пойдешь по смерти въ вѣчное мученіе и издохнешь какъ собака. . . анаѳема ты, старый чертъ. . . будь проклятъ“, пишетъ одинъ. Другой дѣлаетъ упреки правительству за то, что я не заключенъ еще въ монастырь, и наполняетъ письмо ругательствами. Третій пишетъ: „если правительство не уберетъ тебя, — мы сами заставимъ тебя замолчать“; письмо кончается проклятіями. „Чтобы уничтожить прохвоста тебя“, — пи-

шетъ четвертый, — „у меня найдутся средства“... слѣдуютъ неприличныя ругательства. Признаки такого же озлобленія я послѣ постановленія синода замѣчаю и при встрѣчахъ съ нѣкоторыми людьми. Въ самый день 25 февраля, когда было опубликовано постановленіе, я, проходя по площади, слышалъ слова: „вотъ дьяволъ въ образѣ человѣка“, и если бы толпа была иначе составлена, очень можетъ быть, что меня бы избили, какъ избили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, человѣка у Пантелеймоновской часовни.

Такъ что постановленіе синода вообще очень нехорошо; то, что̀ въ концѣ постановленія сказано, что лица, подписавшія его, молятся, чтобы я сталъ такимъ же, какъ они, не дѣлаетъ его лучше.

Это такъ вообще; въ частностяхъ же постановленіе это несправедливо въ слѣдующемъ. Въ постановленіи сказано: „Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери Церкви православной“.

То, что я отрекся отъ церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо.

Но отрекся я отъ нея не потому, что я возсталъ на Господа, а напротивъ только потому, что всѣми силами души желалъ служить Ему. Прежде чѣмъ отречься отъ церкви и единенія съ народомъ, которое мнѣ было невыразимо дорого, я, по нѣкоторымъ признакамъ усомнившись въ правотѣ церкви, посвятилъ нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практическе ученіе церкви: теоретически — я перечиталъ все, что могъ, объ ученіи церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе; практически же — строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. И я убѣдился, что ученіе церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства, скрывающее совершенно весь смыслъ христіанскаго ученія*).

---

*) Стоитъ только почитать требникъ, прослѣдить за тѣми обрядами, которые не переставая совершаются православнымъ духовенствомъ и считаются хри-

И я дѣйствительно отрекся отъ церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей, и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣй, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ.

То же, что̀ сказано, что „я посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный мнѣ

стіанскимъ богослуженіемъ, чтобы увидать, что всѣ эти обряды не что̀ иное, какъ различные пріемы колдовства, приспособленные ко всѣмъ возможнымъ случаямъ жизни. Для того, чтобы ребенокъ, если умретъ, пошелъ въ рай, нужно умѣть помазать его масломъ и выкупать съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести извѣстныя заклинанія; чтобы былъ успѣхъ въ дѣлѣ или спокойное житье въ новомъ домѣ, для того, чтобы хорошо родился хлѣбъ, прекратилась засуха, для того, чтобы излѣчиться отъ болѣзни, для того, чтобы облегчилось положеніе умершаго на томъ свѣтѣ, для всего этого и тысячи другихъ обстоятельствъ есть извѣстныя заклинанія, которыя въ извѣстномъ мѣстѣ за извѣстныя приношенія произносятся священникомъ.

отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и церкви, и т. д.“, и что „я въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ мною такъ же, какъ и учениками моими, по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, проповѣдую съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой сущности вѣры христіанской“, — то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространеніи своего ученія. Правда, я самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ эти сочиненія отъ людей, желавшихъ съ ними познакомиться, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что̀ думаю, и давалъ, если онѣ у меня были, мои книги.

Потомъ сказано, что я „отвергаю Бога, во святой Троицѣ славимаго Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаю Господа Іисуса Христа, Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣ-

ковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаю безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы". То, что я отвергаю непонятную троицу, не имѣющую никакого смысла въ наше время басню о паденіи перваго человѣка, кощунственную исторію о богѣ, родившемся отъ дѣвы, искупляющемъ родъ человѣческій, то это совершенно справедливо. Бога же — Духа, Бога — любовь, единаго Бога, — начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю дѣйствительно существующимъ кромѣ Бога и весь смыслъ жизни вижу только въ исполненіи воли Бога, выраженной въ христіанскомъ ученіи.

Еще сказано: „не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія". Если разумѣютъ жизнь загробную въ смыслѣ второго пришествія, ада съ вѣчными мученіями, дьяволами, и рая — постояннаго блаженства, — совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вѣчную и возмездіе здѣсь и вездѣ, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своимъ годамъ на краю гроба, часто долженъ дѣлать

усилія, чтобы не желать плотской смерти, то есть рожденія къ новой жизни, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ истинное благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его.

Сказано также, что я отвергаю всѣ таинства. Это совершенно справедливо. Всѣ таинства я считаю низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію колдовствомъ и, кромѣ того, нарушеніемъ самыхъ прямыхъ указаній евангелія. Въ крещеніи младенцевъ вижу явное извращеніе всего того смысла, который могло имѣть крещеніе для взрослыхъ, сознательно принимающихъ христіанство, въ совершеніи таинства брака надъ людьми, завѣдомо соединявшимися прежде, и въ допущеніи разводовъ, и въ освященіи браковъ разведенныхъ, вижу прямое нарушеніе и смысла, и буквы евангельскаго ученія.

Въ періодическомъ прощеніи грѣховъ на исповѣди вижу вредный обманъ, только поощряющій безнравственность и уничтожающій опасеніе передъ согрѣшеніемъ.

Въ елеосвященіи такъ же, какъ и въ миропомазаніи, вижу пріемы грубаго колдовства,

какъ и въ почитаніи иконъ и мощей и какъ и во всѣхъ тѣхъ обрядахъ, молитвахъ, заклинаніяхъ, которыми наполненъ требникъ. Въ причащеніи вижу обоготвореніе плоти и извращеніе христіанскаго ученія. Въ священствѣ, кромѣ явнаго приготовленія къ обману, вижу прямое нарушеніе словъ Христа, — прямо запрещающаго кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мѳ. XXIII, 8—10).

Сказано, наконецъ, какъ послѣдняя и высшая степень моей вивновности, что я „ругаюсь надъ самыми священными предметами вѣры, не содрогнулся подвергнуть глумленію священнѣйшее изъ таинствъ — Евхаристію". То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что̀ священникъ дѣлаетъ для приготовленія этого такъ называемаго таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это такъ называемое таинство есть нѣчто священное, и что описать его просто, какъ оно дѣлается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо. Кощунство не въ томъ, чтобы назвать перегородку — перегородкой, а не иконостасомъ, и чашку — чашкой, а не потиромъ и т. п., а ужаснѣйшее,

не перестающее, возмутительное кощунство — въ томъ, что люди, пользуясь всѣми возможными средствами обмана и гипнотизаціи, — увѣряютъ дѣтей и простодушный народъ, что если нарѣзать извѣстнымъ способомъ и при произнесеніи извѣстныхъ словъ кусочки хлѣба и положить въ вино, то въ кусочки эти входитъ Богъ; что тотъ, во имя кого живого вынется кусочекъ, тотъ будетъ здоровъ; во имя же кого умершаго вынется такой кусочекъ, то тому на томъ свѣтѣ будетъ лучше; и что тотъ, кто съѣстъ этотъ кусочекъ, въ того войдетъ самъ Богъ.

Вѣдь это ужасно!

Какъ бы кто ни понималъ личность Христа, но ученіе его, которое уничтожаетъ зло міра, такъ просто, легко, несомнѣнно даетъ благо людямъ, если только они не будутъ извращать его, — это ученіе все скрыто, все передѣлано въ грубое колдовство купанья, мазанія масломъ, тѣлодвиженій, заклинаній, проглатыванія кусочковъ и т. п., такъ что отъ ученія ничего не осталось. И если когда какой человѣкъ попытается напомнить людямъ то, что не въ этихъ волхвованіяхъ, не въ молебствіяхъ, обѣдняхъ, свѣчахъ, иконахъ — ученіе

Христа, а въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, не платили зломъ за зло, не судили, не убивали другъ друга, — то поднимется негодованіе тѣхъ, которымъ выгоденъ этотъ обманъ, и люди эти во всеуслышаніе, съ непостижимой дерзостью говорятъ въ церквахъ, печатаютъ въ книгахъ, газетахъ, катехизисахъ, что Христосъ никогда не запрещалъ клятву (присягу), никогда не запрещалъ убійство (казни, войны), что ученіе о непротивленіи злу съ сатанинской хитростью выдумано врагами Христа *).

Ужасно, главное; то, что люди, которымъ это выгодно, обманываютъ не только взрослыхъ, но, имѣя на то власть, — и дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христосъ говорилъ, что горе тому, кто ихъ обманетъ. Ужасно то, что люди эти для своихъ маленькихъ выгодъ дѣлаютъ такое ужасное зло, скрывая отъ людей истину, открытую Христомъ и дающую благо, которое не уравновѣшивается и въ тысячной долѣ получаемой ими отъ того выгодой. Они поступаютъ, какъ тотъ разбойникъ, который убиваетъ

*) Рѣчь Амвросія, епископа Харьковскаго.

цѣлую семью, 5—6 человѣкъ, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денегъ. Ему охотно отдали бы всю одежду и всѣ деньги, только бы онъ не убивалъ ихъ. Но онъ не можетъ поступить иначе.

То же и съ религіозными обманщиками. Можно бы въ 10 разъ лучше, въ величайшей роскоши содержать ихъ, только бы они не губили людей своимъ обманомъ. Но они не могутъ поступать иначе. Вотъ это-то и ужасно. И потому обличать ихъ обманъ не только можно, но должно. Если есть что̀ священное, то никакъ уже не то, что̀ они называютъ таинствомъ, а именно эта обязанность обличать ихъ религіозный обманъ, когда видишь его.

Если чувашинъ мажетъ своего идола сметаной или сѣчетъ его, я могу не оскорблять его вѣрованія и равнодушно пройти мимо, потому что онъ дѣлаетъ это во имя чуждаго мнѣ своего суевѣрія и не касается того, что̀ для меня священно; но когда люди своимъ дикимъ суевѣріемъ, какъ бы много ихъ ни было, какъ бы старо ни было ихъ суевѣріе, и какъ бы могущественны они ни были, — во имя того Бога, которымъ я живу, и того

ученія Христа, которое дало жизнь мнѣ и можетъ дать ее всѣмъ людямъ, — проповѣдуютъ грубое колдовство, — я не могу этого видѣть спокойно. И если я называю по имени то, что они дѣлаютъ, то я дѣлаю только то, что долженъ, чего не мому не дѣлать, еслн я вѣрую въ Бога и христіанское ученіе. Если же они обличеніе ихъ обмана называютъ кощунствомъ, то это только доказываетъ силу ихъ обмана и должно только увеличивать усилія людей, вѣрующихъ въ Бога и въ ученіе Христа, для того, чтобы уничтожить этотъ обманъ, скрывающій отъ людей истиннаго Бога.

Про Христа, выгнавшаго изъ храма быковъ, овецъ и продавцевъ, должны были говорить, что онъ кощунствуетъ.

Если бы онъ пришелъ теперь и увидалъ то, что дѣлается его именемъ въ церкви, то еще съ бо́льшимъ и законнымъ гнѣвомъ навѣрно выкидалъ бы всѣ эти ужасные антиминсы, и копья, и кресты, и чаши, и свѣчи, и иконы, и все то, посредствомъ чего они, колдуя, скрываютъ отъ людей Бога и Его ученіе.

Такъ вотъ, что справедливо и что неспра-

ведливо въ постановленіи обо мнѣ синода. Я дѣйствительно не вѣрю въ то, во что̀ они говорятъ, что вѣрятъ. Но я вѣрю во многое, во что̀ они хотятъ увѣрить людей, что̀ я не вѣрю.

Вѣрю я въ слѣдующее: вѣрю въ Бога, котораго понимаю какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего. Вѣрю въ то, что Онъ во мнѣ и я въ немъ. Вѣрю въ то, что воля Бога яснѣе, понятнѣе всего выражена въ ученіи человѣка Христа, котораго понимать Богомъ и которому молиться, — считаю величайшимъ кощунствомъ. Вѣрю въ то, что истинное благо человѣка — въ исполненіи воли Бога, воля же Его въ томъ, чтобы люди любили другъ друга и вслѣдствіе этого поступали бы съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, какъ и сказано въ евангеліи, что въ этомъ весь законъ и пророки. Вѣрю въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка, поэтому, только въ увеличеніи въ себѣ любви; что это увеличеніе любви ведетъ отдѣльнаго человѣка въ жизни этой ко все большему и большему благу, даетъ послѣ смерти тѣмъ большее благо, чѣмъ больше будетъ въ человѣкѣ любви, и вмѣстѣ

съ тѣмъ болѣе всего другого содѣйствуетъ установленію въ мірѣ царства Божія, то есть такого строя жизни, при которомъ царствующіе теперь раздоръ, обманъ и насиліе будутъ замѣнены свободнымъ согласіемъ, правдой и братской любовью людей между собой. Вѣрю, что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство: молитва, — не молитва общественная въ храмахъ, прямо запрещенная Христомъ (Мѳ. VI, 5—13), — а молитва, образецъ которой данъ намъ Христомъ, — уединенная, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Оскорбляютъ, огорчаютъ или соблазняютъ кого-либо, мѣшаютъ чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои вѣрованія, — я такъ же мало могу ихъ измѣнить, какъ свое тѣло. Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никакъ иначе вѣрить, какъ такъ, какъ я вѣрю, готовясь итти къ тому Богу, отъ котораго исшелъ. Я не вѣрю, чтобы моя вѣра была одна несомнѣнно на всѣ времена истинна, но я не вижу другой —

болѣе простой, ясной и отвѣчающей всѣмъ требованіямъ моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчасъ же приму ее потому, что Богу ничего, кромѣ истины, не нужно. Вернуться же къ тому, отъ чего я съ такими страданіями только-что вышелъ, я никакъ уже не могу, какъ не можетъ летающая птица войти въ скорлупу того яйца, изъ котораго она вышла.

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство, и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“, сказалъ Кольриджъ.

Я шелъ обратнымъ путемъ. Я началъ съ того, что полюбилъ свою православную вѣру болѣе своего спокойствія, потомъ полюбилъ христіанство болѣе своей церкви, теперь же люблю истину болѣе всего на свѣтѣ. И до сихъ поръ истина совпадаетъ для меня съ христіанствомъ, какъ я его понимаю. И я исповѣдую это Христіанство; и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти.

* * *

Послѣ отлученія Л. Н. Толстого отъ церкви общество стало публично выражать ему свое глубокое уваженіе и свою солодарность. Со всѣхъ концовъ Россіи Толстой получилъ множество телеграммъ, писемъ, адресовъ. На передвижной выставкѣ картинъ въ Петербургѣ публика устроила грандіозную овацію передъ портретомъ Л. Н. Толстого. Была составлена телеграмма и прочитана во всеуслышаніе, въ которой собравшіеся выражали „любовь и преданность своему великому учителю". Телеграмма не была доставлена, а портретъ, писанный Рѣпинымъ, по распоряженію полиціи былъ снятъ съ выставки.

Многія лица изъ молодежи оффиціально заявили о своемъ добровольномъ отлученіи отъ церкви.

Рабочіе Прохоровской мануфактуры поднесли Льву Николаевичу Толстому по поводу отлученія отъ церкви слѣд. адресъ:

Глубокочтимый и дорогой

Левъ Николаевичъ!

Благодаря посланію синода, мы сегодня рѣшили прійти къ Вамъ и высказать сочувствіе

отъ всѣхъ здравомыслящихъ рабочихъ. По нѣкоторымъ размышленіямъ мы рѣшили изложить Вамъ письменно цѣль своего посѣщенія, потому что высказать устно иногда бываетъ труднѣе, чѣмъ на бумагѣ. Кромѣ того, мы потому надумали писать, что, можетъ быть, Вамъ будетъ скорѣе и легче прочитать, чѣмъ выслушать.

Мы, рабочіе, глубоко сочувствуемъ за несправедливое осужденіе Васъ синода, т. е. нѣсколькихъ людей, называющихъ себя въ гордомъ заблужденіи „Церковью Христовой“, какъ будто остальные милліоны не члены кого великаго общества, которое называетъ себя христіанами. Мы, русскіе люди, — простые работники, чувствуемъ и понимаемъ чуть-ли не глубже истины Христова Завѣта, чѣмъ члены Святѣйшаго Синода. Не Васъ должно отлучать отъ Церкви Христовой, а тѣхъ, которые сами не идутъ въ Царствіе Божіе и другихъ не пускаютъ. Мы понимаемъ, что Ваши литературныя произведенія направлены не для ниспроверженія великихъ истинъ, а, напротивъ, для разъясненія ихъ. Но мы знаемъ также, что во всѣ времена люди, стоявшіе на сторонѣ благочестія, и ве-

ликіе вожди народа по пути человѣколюбія и правды всегда были отчуждаемы отъ себя тѣми, которые попираютъ ногами свободу, добродѣтель и честь. Самъ великій учитель нашъ не за то-ли пострадалъ на крестѣ? Но то было время, а теперь иное. Въ наши дни даже чернь и та понимаетъ и то, чего не понимало передовое человѣчество.

Ваше слово не на безплодную почву упало, — оно пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ на спасеніе человѣчества отъ многихъ соблазновъ. А мы чтимъ Васъ, какъ великаго человѣка, которому воздвигается нерукотворный памятникъ въ нашихъ сердцахъ.

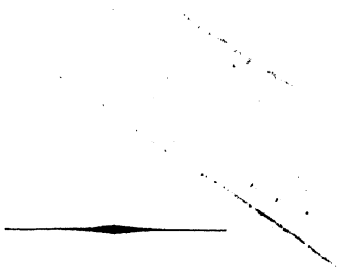
* * *

Отношеніе Толстого ко всѣмъ послѣднимъ происшествіямъ въ Россіи характеризуются слѣдующими выдержками изъ его писемъ къ В. Черткову:

. . .„Самое замѣчательное въ этомъ движеніи — то, что народъ на сторонѣ студентовъ, или, скорѣе, на сторонѣ выраженія неудовольствія.

„Ко мнѣ ходятъ рабочіе и пишутъ мнѣ, также и студенты; и я говорю всѣмъ одно:

„Для блага людей нужно прежде всего ихъ единеніе между собой, и потому чѣмъ больше общенія, взаимнаго сочувствія, тѣмъ лучше. Но надо соединяться не во имя вражды, а во имя взаимной любви; если же это единеніе кажется опаснымъ и вреднымъ нѣкоторымъ людямъ, то тѣмъ хуже для нихъ. Мы и ихъ призываемъ къ тому же общенію“. . .

Rosenthal & Co., Berlin N., Johannisstrasse 20.